Изданіе редакціи „Освобожденія“.

Le Zemstvo et la liberté politique

Prix 1 fr. 50 — Цѣна 1 фр. 50 с.

ЗЕМСТВО
и политическая свобода

Журналы комиссіи-собранія Саратовскаго губернскаго земства. (1905 г.)

Paris

Société nouvelle de librairie et d'édition, Rue Cujas 17

1905

Imprimerie Ch. Noblet. 13, rue Cujas. Paris.

225422

Содержаніе.

Отъ редакціи „Освобожденія“ V
Засѣданія Комиссіи Саратовскаго Губернскаго Земскаго Собранія.
Вечеръ 9-го января 1
Утро 10-го января 27
Резолюція Комиссіи-Собранія 9—10 января 1905 г. 35
Особое мнѣніе гласнаго В. Н. Ознобишина 36
Журналъ Засѣданія XXXIX Очереднаго Саратовскаго Губернскаго Земскаго Собранія 10-го января 1905 г. 37
Списокъ ораторовъ 39

Отъ редакціи „Освобожденія“.

Печатаемыя сужденія и пренія Саратовскаго губернскаго земскаго собранія 1905 г. представляютъ документъ интересный и замѣчательный съ точки зрѣнія одинаково какъ современника, такъ и историка. Въ сужденіяхъ и резолюціяхъ Саратовскаго земства постановленія ноябрскаго земскаго съѣзда развернулись въ широкую демократическую программу, охватывающую всѣ важнѣйшія задачи политическаго преобразованія Россіи. Что такая программа была принята земскимъ собраніемъ, — составляетъ крупный политическій фактъ, который краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о томъ, какой огромный шагъ впередъ сдѣлала за послѣдніе мѣсяцы отвѣтственная политическая мысль русскаго общества, и какъ демократическая программа становится все болѣе и болѣе общенаціональной платформой политическаго освобожденія Россіи. Цѣнно и характерно также то взаимодѣйствіе между земскимъ собраніемъ и широкими кругами мѣстнаго общества, которое обнаружилось въ Саратовѣ въ эту достопамятную сессію и ярко выразилось въ обращеніяхъ, адресованныхъ собранію разными группами населенія.

Парижъ, Мартъ 1905 г.

П. С.

9-го января 1905 г. утромъ была открыта 39-я сессія Саратовскаго Губернскаго Земскаго Собранія, и въ этомъ же утреннемъ засѣданіи былъ аслушанъ докладъ предсѣдателя Губернской Управы, А. Д. Юматова, о поѣздкѣ его въ Петербургъ и объ участіи его на частномъ совѣщаніи гг. предсѣдателей управъ и губернскихъ гласныхъ. Собраніе постановило вопросы, внесенные этимъ докладомъ на его обсужденіе, разсмотрѣть въ комиссіи при участіи всѣхъ гласныхъ. Настоящее изданіе заключаетъ въ себѣ полный журналъ засѣданій этой комиссіи. Выработанный же ею и также здѣсь приведенный проектъ постановленія не могъ, вслѣдствіе воздѣйствія администраціи, быть заслушаннымъ въ собраніи, но былъ 12 января препровожденъ телеграммою предсѣдателемъ собранія, и. д. губернскаго предводителя дворянства княземъ А. А. Ухтомскимъ на имя г. министра внутреннихъ дѣлъ.

Засѣданія Комиссіи Саратовскаго Губ. Земскаго Собранія

очередной сессіи 1905 г. (XXXIX).

Вечеръ 9-го января. Въ засѣданіе Комиссіи прибыло 45 гласныхъ.

А. Д. Юматовъ. Сегодня Земское Собраніе согласилось съ предложеніемъ, внесеннымъ на его разсмотрѣніе отъ имени Управы, и избрало Комиссію, въ которой просило принять участіе всѣхъ гласныхъ. Настоящее собраніе является собраніемъ вышеозначенной Комиссіи и намъ предстоитъ выбрать предсѣдателя.

(Голоса: Васъ! просимъ Васъ!)

А. Д. Юматовъ (занимаетъ предсѣдательское мѣсто): Я напомню вамъ, господа, что задача Комиссіи слѣдующая. Такъ какъ Земское Собраніе согласилось, что ему необходимо высказаться по поводу тѣхъ событій и тѣхъ обстоятельствъ, которыя мы переживаемъ, то Комиссія должна будетъ выработать положенія, формулирующія ея отношеніе къ этимъ обстоятельствамъ; санкціонированныя собраніемъ, они должны быть доведены до свѣдѣнія правительства, и намъ здѣсь надо выработать форму, въ которой мнѣніе Земскаго Собранія должно быть изложено. Управа по этому вопросу держится того мнѣнія, что въ основаніе слѣдуетъ взять 11 пунктовъ, выработанныхъ на петербургскомъ съѣздѣ гг. предсѣдателей. Ежели не всѣ ихъ знаютъ, я могу прочитать... (Голоса: не надо! знаемъ!). Затѣмъ Управа считаетъ необходимымъ доложить здѣсь тотъ матеріалъ, которой переданъ ей для сообщенія Земскому Собранію и имѣетъ отношеніе къ данному вопросу. Есть между прочимъ письмо отъ гласнаго Сердобскаго уѣзда Ник. Ник. Минха, гдѣ онъ извѣщаетъ, что не можетъ пріѣхать...

Затѣмъ я считаю долгомъ огласить заявленія, которыя Управа получила съ просьбой передать ихъ на обсужденіе Губернскаго Земскаго Собранія. Это рядъ резолюцій и обращеній къ собранію отъ разныхъ группъ и сословій г. Саратова и Саратовской губерніи. (Читаетъ резолюцію рабочихъ.)

„Мы нижеподписавшіеся признаемъ, что существующій политическій строй, основанный на безправіи народа, является самой крупной преградой въ дѣлѣ улучшенія положенія рабочихъ, крестьянъ и всего вообще населенія Россійской Имперіи. Положеніе это въ настоящее время въ особенности обострено войной на Дальнемъ Востокѣ. Принимая все это во вниманіе, мы признаемъ безотлагательно необходимымъ коренное политическое и правовое переустройство Россійской Имперіи на началахъ участія всего русскаго народа въ законодательствѣ и управленіи страной. Для этого мы признаемъ безусловно необходимымъ, какъ предварительныя мѣры:

1. Немедленную отмѣну всѣхъ законовъ и административныхъ распоряженій, нарушающихъ неприкосновенность личности и жилища, стѣсняющихъ свободу слова и печати, свободу собраній, союзовъ и стачекъ, свободу передвиженія, свободу совѣсти и вѣроисповѣданія.

2. Немедленное прекращеніе всѣхъ дѣлъ по политическимъ преступленіямъ, освобожденіе и возстановленіе въ правахъ лицъ, пострадавшихъ по таковымъ дѣламъ.

3. Немедленное изданіе законовъ, обезпечивающихъ населенію всѣ указанныя права и вольности отъ посягательствъ и нарушеній со стороны административныхъ властей.

Вслѣдъ за выполненіемъ всѣхъ указанныхъ требованій мы признаемъ безотлагательно необходимымъ въ ближайшемъ будущемъ созывъ Всенароднаго Учредительнаго Собранія, избраннаго на основѣ всеобщей, равной, прямой и тайной подачи голосовъ:

1. для уничтоженія экономическихъ и правовыхъ остатковъ крѣпостного строя;

2. для выработки основного закона Россійской Имперіи, обезпечивающаго за населеніемъ страны безпрепятственное участіе въ законодательствѣ и управленіи страной;

3. для прекращенія войны и заключенія мира съ Японіей."

Эта резолюція была представлена 8-го января депутаціей отъ рабочихъ г. Саратова и подписана 975 лицами.

Затѣмъ — обращеніе къ саратовскому губернскому земскому собранію отъ плательщиковъ земскихъ сборовъ, избирателей и прочихъ жителей г. Саратова и Саратовской губ.:

„6—9-го ноября отнынѣ станутъ праздничными днями русскаго земства, большими днями русской исторіи. Въ эти знаменательные дни земскіе дѣятели на совѣщаніи въ С.-Петербургѣ, обсудивъ тяжелое и печальное положеніе нашего отечества, впервые выяснили и установили его давно назрѣвшія нужды, его неотложныя потребности и со всей прямотой и откровенностью заявили о нихъ правительству въ лицѣ мин. внутр. дѣлъ.

„Въ настоящее время возбужденъ вопросъ, насколько правильно и точно земскіе дѣятели на совѣщаніи выразили желанія, убѣжденія и потребности своихъ земствъ, своихъ избирателей и общественное мнѣніе тѣхъ губерній, представителями которыхъ они были на совѣщаніи. Отвѣтомъ на этотъ вопросъ и является наше настоящее заявленіе.

„Скрѣпивъ собственноручнымъ подписомъ всѣ положенія земскаго совѣщанія, при семъ прилагаемыя, мы, тѣмъ самымъ публично заявляемъ о нашемъ полномъ согласіи съ земскими дѣятелями на совѣщаніи и вмѣстѣ съ тѣмъ выражаемъ имъ глубокую благодарность за то, что въ столь знаменательный моментъ они оказались на высотѣ своего положенія.

„Но частное совѣщаніе земскихъ дѣятелей въ Петербургѣ есть только первый шагъ. Второй шагъ долженъ быть сдѣланъ на губернскихъ земскихъ собраніяхъ. Въ Россіи нѣтъ въ настоящее время другого учрежденія, которое съ бо́льшимъ правомъ могло бы говорить отъ имени всѣхъ слоевъ населенія. Всякая иная организація представительства есть дѣло будущаго, хотя бы и самаго ближайшаго, а, между тѣмъ, голосъ страны, голосъ русскаго народа долженъ раздаться немедленно, чтобы обновленіе и реформы не остались только въ мечтахъ. Вотъ почему такъ велика, такъ отвѣтственна задача предстоящихъ земскихъ собраній.

„Ходъ русской исторіи поднимаетъ Васъ, господа гласные, на такую высоту, на какой не стояло земство во все время своего существованія. Въ настоящій моментъ Вы являетесь выразителями мнѣнія не только своихъ избирателей, не только плательщиковъ земскаго сбора, но и всего населенія безъ различія классовъ, состояній и положеній. Безъ преувеличенія можно сказать, что сотни тысячъ глазъ устремлены на Васъ, что судьба милліоновъ людей зависитъ отъ Вашего рѣшительнаго слова. Эта исключительность момента вызываетъ потребность исключительнаго единенія между Вами и нами, и въ этомъ — объясненіе настоящаго заявленія.

„Обращаясь къ Вамъ, господа гласные губернскаго земскаго собранія, наканунѣ предстоящихъ Вамъ работъ, мы выражаемъ глубокое убѣжденіе, что чувства и мысли, которыя волнуютъ насъ, не могутъ не волновать и Васъ, что Вы, какъ и мы, не только всецѣло, раздѣлите положенія земскаго совѣщанія, но и примите всѣ мѣры къ тому, чтобы онѣ возможно скорѣе осуществились и получили дальнѣйшее развитіе.

„И будьте увѣрены, что все, что Вы сдѣлаете въ этомъ направленіи, встрѣтитъ самый горячій откликъ и рѣшительную поддержку не только въ насъ, нижеподписавшихся, но въ милліонахъ русскихъ людей, которые не могутъ возвысить свой голосъ, но давно уже жаждутъ выйти изъ теперешняго унизительнаго состоянія, перестать быть только рабочими руками, пасынками своей родины и сдѣлаться, наконецъ, полноправными и свободными гражданами свободной и великой Россіи.“

Подъ этой резолюціей 2393 подписи.

Далѣе — резолюція, принятая на учредительномъ собраніи Саратовскаго Педагогическаго Общества и подписанная 592 лицами:

„Мы, учащіе низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній, представители общественныхъ и просвѣтительныхъ учрежденій и разныхъ слоевъ общества, собравшись 3 января 1905 года для учрежденія въ Саратовѣ педагогическаго общества и обмѣнявшись взглядами на современное положеніе нашего народнаго образованія и просвѣщенія, пришли къ слѣдующему заключенію: господствовавшій полицейско-бюрократическій режимъ, поставившій себѣ цѣлью уничтожить проявленіе общественной и личной иниціативы въ русской жизни съ особенной интенсивностью сказался въ дѣлѣ народнаго образованія и просвѣщенія. Созданные имъ для достиженія означенной цѣли — безправное положеніе учащихъ, устраненіе общественной иниціативы отъ руководительства внутренней жизнью школы, стѣснительныя мѣры къ открытію учебныхъ и просвѣтительныхъ учрежденій, устарѣлыя программы преподаванія, противорѣчащія современной научной мысли и несоотвѣтствующія запросамъ жизни, а также стѣснительные каталоги для народныхъ библіотекъ и чтеній, устранившіе возможность знакомить народныя массы съ лучшими произведеніями русскихъ и иностранныхъ авторовъ — представляютъ такія тяжелыя оковы для народнаго образованія и просвѣщенія, что дѣлаютъ почти безрезультатными всѣ усилія учащихъ и общественныхъ учрежденій, чтобы вывести народныя массы изъ темноты и невѣжества. Систематическое отклоненіе ходатайствъ общественныхъ учрежденій относительно уничтоженія означенныхъ стѣсненій приводило въ полное отчаяніе все мыслящее русское общество и заставляло безсильно опускать руки въ святомъ дѣлѣ просвѣщенія русскаго народа.

„Нынѣ, когда пробудившееся общественное сознаніе пришло къ неизмѣнному заключенію, что жизнь при старыхъ условіяхъ далѣе невозможна, когда это сознаніе проникло отъ низовъ до высшихъ сферъ Россіи, мы находимъ необходимымъ громко заявить, что всѣ предстоящія реформы въ русскомъ обществѣ только тогда станутъ достояніемъ народныхъ массъ, когда на ряду съ ними будетъ освобождено дѣло народнаго образованія и просвѣщенія отъ бездушаго формализма и полицейско-бюрократическаго режима. Хотя всѣ мы проникнуты убѣжденіемъ, что правильная постановка народнаго образованія въ Россіи, соотвѣтствующая запросамъ современной жизни, возможна лишь при установленіи свободы личности, совѣсти, слова, союзовъ и собраній, гарантируемыхъ строемъ правомѣрнаго государства, тѣмъ не менѣе мы находимъ, что современное весьма печальное состояніе дѣла народнаго образованія требуетъ безотлагательныхъ реформъ. Эти необходимыя реформы сводятся къ слѣдующему:

1. Дѣйствительное участіе общественныхъ учрежденій въ дѣлѣ народнаго образованія и просвѣщенія, дающее возможность какъ самостоятельно открывать образовательныя и просвѣтительныя учрежденія, такъ равно устанавливать и руководить ихъ внутренней жизнью;

2. Замѣна разрѣшительнаго порядка открытія школъ и просвѣтительныхъ учрежденій — явочнымъ;

3. Уничтоженіе нынѣ существующихъ ограничительныхъ каталоговъ;

4. Уничтоженіе безправнаго положенія учащихъ установленіемъ такого порядка, при которомъ назначеніе и увольненіе учащихъ должно зависѣть только отъ тѣхъ учрежденій, на средства которыхъ содержатся школы и просвѣтительныя учрежденія;

5. Лишеніе права педагогической дѣятельности только по суду и

6. полная отмѣна нынѣ существующей бюрократическо-полицейской опеки надъ школою, учащими и просвѣтительными учрежденіями и предоставленіе учащимъ права собраній и союзовъ.

„Представляя настоящее наше заявленіе на усмотрѣніе Саратовскаго Губернскаго земскаго собранія, мы надѣемся, что оно сочувственно отнесется къ нему, такъ какъ вся предшествовавшая дѣятельность собранія внушила намъ полную увѣренность въ его стремленіяхъ правильно поставить дѣло народнаго образованія въ Саратовской губерніи.“

Затѣмъ было подано заявленіе отъ женщинъ, подъ которымъ тоже около 600 подписей.

„Въ Саратовское Губернское Земское Собраніе.
Отъ женщинъ г. Саратова и Саратовской губ.

„Гг. гласные, вамъ, конечно, извѣстны тѣ полныя мрачнаго ужаса сцены, которыя разыгрались 28 и 29 ноября въ Петербургѣ и 5—6 декабря въ Москвѣ при избіеніи учащейся молодежи вооруженною толпою дворниковъ во главѣ съ полиціей.

„Въ эти дни дикая расправа съ молодежью ни передъ чѣмъ не останавливалась: тамъ лилась кровь нашихъ дѣтей, младшихъ сестеръ и братьевъ, тамъ были тяжкія увѣчья и даже убійства.

„И все это обрушилось на голову молодежи за мирную попытку открыто заявить свое недовольство порядкомъ произвола, созданнаго всевластной бюрократіей.

„Извѣстіе объ этомъ актѣ насилія особенно сильно отозвалось на сердцѣ каждой женщины и каждой матери, и не въ одной семьѣ раздавался болѣзненный крикъ: „Господи, когда же это кончится?“

„Въ мучительныхъ поискахъ практическаго отвѣтъ на этотъ крикъ и съ сознаніемъ, что дальше такъ жить нельзя, мы обращаемся къ Земскому Собранію, какъ къ оффиціальному органу всего русскаго общества съ настоящимъ заявленіемъ.

„Гг. гласные, переживаемый историческій моментъ является моментомъ исключительной важности и отъ вашего отношенія къ задачамъ этого момента въ значительной мѣрѣ зависитъ будущее Россіи.

„Недовольство бюрократическимъ полицейскимъ режимомъ охватило широкой волною все мыслящее русское общество, и послѣднее пришло къ твердому сознанію, что устраненіе этого режима и созданіе государственнаго строя, основаннаго на началахъ активнаго участія народныхъ представителей въ законодательствѣ страны является настоятельной необходимостью и единственной формулой, обезпечивающей правильное развитіе государственной и общественной жизни. Это общественное движеніе нашло горячій откликъ въ впечатлительной и отзывчивой душѣ нашей обездоленной учащейся молодежи, и такимъ образомъ создалась идейная солидарность между „отцами и дѣтьми“, ихъ взаимное пониманіе другъ друга, и такъ уничтожилась пропасть, впервые отдѣлившая крѣпостного отца отъ переформеннаго сына.

„Но этой солидарности, этому единенію между членами одной семьи, являющейся первичной ячейкой, основой общества, угрожаетъ серьезная опасность, если отцы безучастно отнесутся къ тѣмъ условіямъ, при которыхъ и возможны только акты насилія надъ молодежью, подобные происшедшимъ въ Петербургѣ и Москвѣ. И тогда рознь, явившуюся результатомъ индифферентизма отцовъ, нельзя уже будетъ объяснить идейнымъ непониманіемъ

другъ друга людей разныхъ поколѣній. Наши дѣти принуждены будутъ объяснить ее только нравственной дряблостью своихъ отцовъ.

„Но мы, матери, вѣримъ, что моментъ такого разложенія семьи никогда болѣе не наступитъ. Для насъ было бы невыразимо тяжело переживать вновь тотъ разладъ, ту трагедію семейной жизни, которую такъ недавно переживала русская семья.

„Мы обращаемся къ вамъ, гг. гласные, въ полной увѣренности, что вы обратите серьезное вниманіе на положеніе русской женщины, русской матери въ настоящій критическій моментъ общественной жизни. Мы глубоко убѣждены, что вы какъ избранные представители общества, присоединитесь къ голосу тѣхъ представителей земства, которые на совѣщаніи въ Петербургѣ 6—9 ноября взяли на себя гражданскую смѣлость открыто и правдиво заявить, въ чемъ заключается главная наболѣвшая нужда родины, терзаемой непримиримымъ разладомъ между жизнью общества и произволомъ бюрократіи. Мы не сомнѣваемся, что ваша мысль, ваша совѣсть укажетъ вамъ вѣрный дальнѣйшій путь къ лучшему будущему освобожденной Россіи.“

Вотъ тѣ обращенія, которыя Управа считаетъ необходимымъ довести до свѣдѣнія Губернскаго Земскаго Собранія, а въ настоящее время — Комиссіи. Другого матеріала у насъ нѣтъ.... Виноватъ! Вчера была получена слѣдующая телеграмма изъ Царицына:

„Мы, нижеподписавшіеся, шлемъ привѣтъ Саратовскимъ земцамъ, твердо вѣря, что всѣ гласные окажутся на той же высотѣ пониманія вопросовъ внутренней жизни, на которой оказались представители Саратовскаго земства на совѣщаніи въ Петербургѣ.“

Подписана она предсѣдателемъ Царицынской Земской Управы и еще 51 лицомъ изъ земскихъ служащихъ, врачей и т. д.

Но господа, я долженъ сказать вамъ то, что меня лично въ высшей степени волнуетъ и мучитъ. Вы знаете, что въ началѣ ноября я былъ вызванъ въ Петербургъ на съѣздъ, который былъ разрѣшенъ Государемъ Императоромъ. Съѣздъ этотъ не могъ принять той формы, въ которой онъ былъ намѣченъ. Оказалось, что этотъ съѣздъ долженъ былъ обратиться въ частное совѣщаніе земскихъ дѣятелей. Я не считалъ возможнымъ устраниться отъ участія въ этомъ совѣщаніи, хотя постановленія Земскаго Собранія, уполномочивавшаго меня ѣхать туда — не было. Правда, мы говорили тамъ отъ себя, выражая лишь наши личные взгляды, но постановленія, вынесенныя на этомъ совѣщаніи, мы подписывали, какъ предсѣдатели.

И вотъ, мысль, что мы пріѣхали на съѣздъ безъ прямыхъ указаній отъ Земскаго Собранія, а, между тѣмъ, высказанныя нами тамъ мнѣнія могутъ толковаться, какъ мнѣнія всего Губернскаго Собранія — меня мучитъ, и я просилъ бы васъ высказаться, насколько вы одобряете мое участіе въ Совѣщаніи, и раздѣляете тѣ взгляды и положенія, къ которымъ мы присоединились.

(На время разрѣшенія поставленнаго А. Д. Юматовымъ вопроса избирается предсѣдателемъ г. Унковскій.)

М. В. Безобразовъ. Я отъ своего имени и отъ имени товарищей заявляю, что Управа въ полномъ своемъ составѣ присоединилась, какъ къ мнѣнію о необходимости ѣхать Ал. Дм—у на этотъ съѣздъ, такъ и ко всѣмъ выработаннымъ тамъ положеніямъ.

Н. Д. Михайловъ. Вопросъ относительно дѣйствій лицъ, поѣхавшихъ туда, долженъ быть отдѣленъ отъ вопроса объ одобреніи выработанной на этомъ съѣздѣ программы.

Гр. А. А. Уваровъ. Я, господа, раздѣляю этотъ вопросъ на два. По существу я имѣю возраженія на кое-какіе пункты программы, но я не связываю вопроса объ одобреніи этихъ пунктовъ съ вопросомъ о томъ — одобрить ли намъ вообще поѣздку Ал. Дм. на это совѣщаніе. Я нахожу поведеніе Ал. Дм. совершенно корректнымъ, и вполнѣ одобряю то, что онъ поѣхалъ въ Петербургъ. И подписываться онъ долженъ былъ, конечно, какъ предсѣдатель, потому уже, что, вѣдь, онъ дѣйствительно — предсѣдатель. Но я не могу согласиться, когда намъ предлагаютъ вмѣстѣ съ этимъ одобрить и выработанные на совѣщаніи 11 пунктовъ. Развѣ эти пункты — евангеліе, противъ котораго нельзя говорить?

Этотъ вопросъ долженъ быть выдѣленъ, и мы должны имѣть дѣло пока только съ первымъ вопросомъ: одобряемъ мы или нѣтъ, что Ал. Дм. принялъ приглашеніе на съѣздъ въ Петербургѣ?

Корбутовскій. Да, только поѣздку. . . .

Гр. А. А. Уваровъ. Нѣтъ — и участіе въ разрѣшеніи поставленныхъ тамъ вопросовъ.

Унковскій. Одобряетъ ли Земское Собраніе поѣздку нашего предсѣдателя на совѣщаніе земскихъ дѣятелей, бывшее въ Петербургѣ 6—9 ноября, и участіе его въ разработкѣ поставленныхъ тамъ вопросовъ?

Кто не одобряетъ — прошу встать.

Присутствующіе сидятъ.

В. Н.Ознобишинъ. Этотъ вопросъ совсѣмъ не такъ долженъ быть поставленъ; дѣло въ томъ: имѣлъ ли предсѣдатель право говорить на съѣздѣ отъ имени избирателей? Я не могу сказать, что онъ сдѣлалъ неправильно, говоря тамъ отъ имени земства, но отъ имени избирателей онъ говорить не могъ, потому что, несомнѣнно, избиратели не имѣли въ виду, что на этомъ съѣздѣ будутъ рѣшаться такого рода вопросы. . . . Г. предсѣдатель былъ правъ, поѣхавши на съѣздъ предсѣдателей и подписываясь тамъ тѣмъ, что онъ на самомъ дѣлѣ есть, но какъ земскій дѣятель онъ долженъ былъ сказать, что это только личное его мнѣніе . . .

(Голоса: Да такъ же онъ и говорилъ!)

Гр. А. Д. Нессельроде. Ал. Дм. началъ съ указанія, что, принимая участіе въ совѣщаніи, онъ выразилъ тамъ лишь собственное свое мнѣніе. Подписывался онъ предсѣдателемъ, потому что онъ — предсѣдатель, но онъ совершенно справедливо не считаетъ, что земство этимъ сколько-нибудь связывается. Онъ спрашиваетъ объ одномъ: не имѣетъ ли Земское Собраніе что-нибудь противъ того, что онъ поѣхалъ въ Петербургъ и принялъ участіе въ совѣщаніи?

В. Н. Знобишинъ. Я признаю дѣйствія предсѣдателя корректными; но на съѣздѣ были и гласные, и дѣйствія остальныхъ гласныхъ я корректными не могу признать.

(Шумъ. Возгласы: вопросъ прошелъ!)

М. В. Безобразовъ. Вопросъ ставилъ Ал. Дм. о себѣ, какъ о предсѣдателѣ. И ставить этотъ вопросъ здѣсь надо только относительно него.

Н. Д. Михайловъ. Почему? Объединить всѣхъ, кто тамъ былъ.

Гр. А. А. Уваровъ. Я убѣжденъ, господа, что вопросъ о томъ, что дѣлали тамъ наши гласные — праздный вопросъ. Предсѣдатель долженъ былъ спрашиваться: ѣхать ему или нѣтъ? а гласные спрашиваться и не должны были. Я самъ приложилъ всѣ свои старанія, чтобы попасть туда, но въ силу особаго почтенія этого совѣщанія къ „свободному слову“ мнѣ это, однако, не удалось.

Б. А. Араповъ. Да, вѣдь, гласные, которые были тамъ, и не просятъ насъ объ одобреніи и не желаютъ вовсе выслушивать наше мнѣніе о ихъ дѣйствіяхъ. Это ихъ дѣло. Что намъ спрашивать: а что дѣлалъ тамъ Ник. Ник.? а что — Ал. Мих.? . . .

Б. А. Малышевъ. Здѣсь по моему просто — недоразумѣніе. Вѣдь, это же было частное совѣщаніе земскихъ дѣятелей, а вовсе не съѣздъ представителей.

Унковскій. Вновь ставлю вопросъ: угодно ли Земскому Собранію одобрить поѣздку нашего предсѣдателя на совѣщаніе земскихъ дѣятелей, бывшее въ Петербургѣ 6—9 ноября, и участіе его въ разработкѣ поставленныхъ тамъ вопросовъ?

Собраніе единогласно выражаетъ свое одобреніе.

Унковскій слагаетъ съ себя предсѣдательство. Мѣсто предсѣдателя занимаетъ вновь Ал. Дм. Юматовъ.

А. Д. Юматовъ. Мы, предсѣдатели управъ, конечно, имѣли на этомъ совѣщаніи въ виду, что мы — земскіе дѣятели, и смотрѣли на себя именно такъ, но мы оговорились при этомъ, чтобы не было какихъ-нибудь недоразумѣній, что мы являемся безъ какихъ бы то ни было полномочій. Возможность нареканій нами имѣлась въ виду. Затѣмъ, не угодно ли будетъ перейти къ обсужденію выработанныхъ на совѣщаніи пунктовъ, а также, можетъ быть, вы выскажетесь и о томъ: въ какой формѣ изложить наше отношеніе къ нимъ, кому направить то, что мы выработаемъ?

Гр. А. А. Уваровъ. Я предлагалъ бы пройти эти пункты въ отдѣльности, по порядку. А когда кончимъ съ этимъ, тогда уже говорить и о формѣ, и о томъ, кому направить то, что мы выработаемъ.

С. П. Корбутовскій. Я выражаю свое полное сочувствіе поѣздкѣ земскихъ дѣятелей на совѣщаніе, гдѣ были выработаны эти пункты. Я не стану касаться во-

проса о томъ, насколько важна была работа этого совѣщанія; результаты ея несомнѣнны; они видны всѣмъ: это — благотворные результаты. Вскорѣ же послѣдовалъ Высочайшій указъ 12 декабря, и если прочесть 8 пунктовъ этого указа, вы увидите въ его редакціи много ссылокъ на тѣ пункты, которые были выработаны тамъ; но несмотря на это, я не могу согласиться положить въ основаніе нашихъ заключеній о насущныхъ вопросахъ жизни 11 пунктовъ земскаго совѣщанія. Правильнѣе будетъ взять за это основаніе именно Высочайшій указъ, въ немъ видѣть краеугольный камень. Если въ немъ нѣтъ всего того, что было выработано совѣщаніемъ, то въ немъ есть мысль, которая наводитъ на возможность осуществленія и этихъ пунктовъ. Я позволю себѣ прочесть слѣдующее мѣсто этого указа: „Когда же потребность той или другой перемѣны оказывается назрѣвшей, то къ совершенію ея Мы считаемъ необходимымъ приступить, хотя бы намѣченное преобразованіе вызывало внесеніе въ законодательство существенныхъ нововведеній.“

Разсматривая далѣе тотъ пунктъ Высочайшаго указа, который говоритъ объ организаціи мелкой земской единицы, мы видимъ, что этотъ важный пунктъ есть прямое послѣдствіе того же Совѣщанія.

Пусть въ немъ нѣтъ полностью тѣхъ пунктовъ, которые выработаны Земскимъ Совѣщаніемъ, но уже одна это мелкая единица привлекаетъ къ новой дѣятельности массу новыхъ силъ, охватываетъ такіе уголки, которые были далеки отъ всякой земской дѣятельности. И уже поэтому гораздо лучше положить въ основаніе нашихъ сужденій именно этотъ Высочайшій указъ.

Гр. А. Д. Нессельроде. Мнѣ кажется, во 1-хъ, что предложеніе С. П. не совершенно соотвѣтствуетъ тому рѣшенію, къ которому сегодня же утромъ пришло наше частное совѣщаніе. Именно утромъ было доложено намъ г. Предсѣдателемъ Управы объ этихъ 11 пунктахъ, и было принято большинствомъ, что подлежащіе нашему сужденію вопросы необходимо разрѣшать, исходя именно отъ этихъ пунктовъ. Затѣмъ, разсмотрѣніе, одобреніе или неодобреніе Высочайшаго указа не является столь удобнымъ для комиссіи, какъ разсмотрѣніе пунктовъ, составленныхъ частными лицами. Въ 3-хъ, я скажу, что не надо намъ играть въ жмурки; надо помнить, что въ этихъ 11 пунктахъ, какъ и во многихъ другихъ резолюціяхъ, составленныхъ представителями губернскихъ земствъ, указывается, что главный недостатокъ настоящаго строя заключается въ отсутствіи въ немъ представительнаго начала: нужна конституція — почему не употребить слова, которое у всѣхъ на языкѣ. . . . Я и полагаю, что именно этотъ вопросъ и есть тотъ краеугольный камень, на которомъ должно быть построено разрѣшеніе всѣхъ дальнѣйшихъ вопросовъ. Мы не можемъ разработать здѣсь проектъ конституціи, но мы можемъ признать ея желательность для блага нашего отечества. И если мы признаемъ, что безъ нея мы не можемъ долѣе жить, что она необходима прежде всего, то тогда мы не только можемъ, мы обязаны, это наше убѣжденіе, къ которому мы пришли — выразить громко.

Н. Н. Львовъ. То, что говорилъ здѣсь С. П. Корбутовскій для меня не совсѣмъ ясно. Какъ-будто намъ въ отвѣтъ на Высочайшій Указъ ничего не остается, какъ только благодарить и этимъ ограничиться. Съ такимъ положеніемъ согласиться нельзя. Дѣйствительно, взгляните на Указъ 12 декабря: многое изъ него для насъ знакомо и близко. О полноправіи крестьянъ никто другой, какъ мы, заявляли въ сельскохозяйственныхъ комитетахъ. Вопросъ о мелкой земской единицѣ былъ поднятъ нами на съѣздахъ общественныхъ дѣятелей. О самостоятельности, о расширеніи полномочій земства мы всегда говорили, не переставали настаивать, настолько только могли. Это — наши идеи, плодъ русской общественной мысли. Эти мнѣнія считались запрещенными, недопустимыми. Законность, отвѣтственность должностныхъ лицъ — завѣтныя чаянія многихъ поколѣній русскихъ людей, роковой вопросъ, который и мы стремимся всѣми силами разрѣшить.

Все это такъ; но если намъ близко и дорого многое изъ возвѣщеннаго въ Указѣ, то мы не можемъ оставаться спокойными передъ вопросомъ: кто же будетъ приводить въ исполненіе предначертанія 12-го декабря? Комитетъ Министровъ. Но что такое Комитетъ Министровъ? Въ прошломъ съ нимъ связаны самыя злыя воспоминанія. Это — орудіе беззаконій, гнѣздо Аракчеева. Теперь — это собраніе верховныхъ главъ бюрократіи, гдѣ происходятъ сдѣлки и соглашенія, гдѣ ведется торгъ между министрами.

Что же мы должны ожидать, что петербургскія канцеляріи облагодѣтельствуютъ Россію свободой совѣсти, свободой слова и независимостью самоуправленія?

Витте, какимъ-то скрытымъ маневромъ вдругъ попавшій въ распорядители

судебъ Россіи, исполнится теперь уваженія къ русскому обществу, къ которому относится съ нескрываемымъ презрѣніемъ? Витте, охваченный маніей бюрократическаго величія и похотью власти, признаетъ права и достоинства русскаго народа, который считалъ до сихъ поръ за какой-то сырой матеріалъ для бюрократической машины? Департаментъ полиціи, цензурное вѣдомство упразднитъ само себя? Верховная бюрократія сама признаетъ свои беззаконія передъ страной и наложитъ на себя руки? Скорѣе тигръ выпуститъ изъ когтей свою добычу и волкъ станетъ ягненкомъ.

Я испытываю то чувство, какъ еслибы у насъ отняли нашего ребенка и отдали бы его въ руки тѣхъ, кто его завѣдомо ненавидитъ.

На насъ лежитъ долгъ болѣе, чѣмъ когда либо, заявить, что преобразованіе должно и можетъ быть совершено лишь руками тѣхъ, кто самъ выростилъ въ себѣ новыя идеи. Ждать больше нельзя.

Усачовъ. Сергѣю П—чу свободно можно говорить такъ, потому что онъ говоритъ какъ гласный, избранный въ узкой сферѣ, отъ небольшого количества избирателей. А вотъ мнѣ приходится говорить уже иначе. Я избранъ крупнымъ количествомъ крестьянъ; они изъ года въ годъ ждутъ отъ меня отчета о томъ, что я дѣлалъ на земскомъ собраніи и что дѣлаетъ само земское собраніе. Имъ надо знать: зачѣмъ тутъ строятъ мосты, а тамъ нѣтъ? Они во всемъ этомъ заинтересованы и, конечно, ужъ заинтересованы въ томъ, кто и какъ управляетъ народомъ. И вопросъ о томъ, что же сдѣлало земство для того, чтобы защитить народъ отъ недостатковъ управленія, конечно, важный вопросъ. И мы должны съ благодарностью привѣтствовать то, что сдѣлано для него на земскомъ совѣщаніи: вѣдь, государь первый разъ услышалъ правду и услышалъ, благодаря этому совѣщанію. Благодаря ему мы имѣемъ манифестъ 12-го декабря; а что государь обратился къ Комитету Министровъ — это понятно. 8 января къ намъ обратились съ своими нуждами и заявленіями различныя группы лицъ, потому что они считаютъ земское собраніе единственнымъ учрежденіемъ, куда можно было обратиться. Это — честь намъ, господа. Такъ и государь обратился къ министрамъ. Я повторяю — наши представители сдѣлали огромное дѣло, указавши на главное зло нашей жизни. Вѣдь, у насъ все неблагополучно; крестьяне разорены, они переселяются, бѣгутъ отъ этого разоренія, они эксплоатируются повсюду, произволъ всюду необыкновенный; во всемъ онъ сказывается, даже анархисты не такъ опасны народу, какъ тѣ, которые правятъ его дѣлами. Дѣлаются буквально ужасы. И я скажу прямо, что мы совершимъ преступленіе, если не отнесемся сознательно и серьезно къ требованіямъ общества, которыя поступаютъ отовсюду, поступили и къ намъ въ прочитанныхъ здѣсь заявленіяхъ.

Мы, какъ избранники, должны считаться прежде всего съ нуждами населенія. Не считаются съ ними и не хотятъ считаться только тѣ, кому очень уже тепло живется. И нужды эти обдуманы на совѣщаніи. Вѣдь, политическія права, всеобщее право подачи голосовъ — вѣдь, это почти то же, что мелкая земская единица. Мы мелкую земскую единицу считаемъ полезной, потому что населеніе при ней получаетъ возможность отстаивать свои интересы болѣе непосредственно; а тутъ каждый человѣкъ получаетъ эту возможность. Мельче этой единицы ничего нѣтъ. Говорятъ, намъ нужно еще дорости до этого сознанія; нѣтъ. надо дать сначала населенію возможность рѣшать самому свои вопросы; сама жизнь тогда отвѣтитъ, доросло оно или нѣтъ...

М. В. Безобразовъ. Позвольте, какой же вопросъ теперь обсуждается? Вѣдь, не пункъ о всеобщей подачѣ голосовъ? Мы по пунктамъ обсуждаемъ или по существу всей резолюціи?

А. Д. Юматовъ. Николай Николаевичъ разъяснилъ намъ, почему онъ полагаетъ, что нужно въ основаніе нашихъ заключеній положить программу, принятую въ Петербургѣ, а не Указъ.... Угодно будетъ пробаллотировать вопросъ о томъ, обсуждать ли намъ эту программу по пунктамъ, или начать съ вопроса, поднятаго С. П. Корбутовскимъ?

Гр. А. А. Уваровъ. Я думаю, что и баллотировать этого не надо. Вопросъ, поставленный С. П. Корбутовскимъ, самъ собою вытекаетъ, какъ слѣдствіе, изъ обсужденія пунктовъ земской программы. Когда мы кончимъ съ ними, надо будетъ рѣшить: въ какой формѣ выразить наши пожеланія. Вотъ тогда я присоединюсь къ тому, что начинать намъ нужно съ Указа. А обсуждать Указъ я не могу. Указъ — это священная вещь, которой я долженъ подчиниться, а я желаю обсуждать вопросы.

Н. Н. Львовъ предлагаетъ пробаллотировать вопросъ.

А. Д. Юматовъ. Угодно ли приступить къ обсужденію выработанной земскимъ совѣщаніемъ программы по пунктамъ?

(Собраніе принимаетъ предложеніе предсѣдателя).

Н. Н. Львовъ. Я долженъ сказать, что, вѣдь, многія положенія, выработанныя частнымъ совѣщаніемъ, попали въ Указъ. Обсужденіе можно начинать съ самыхъ существенныхъ пунктовъ: 10-го и 11-го, которые въ Указъ не вошли.

Гр. А. А. Уваровъ. Позвольте мнѣ, господа, по крайней мѣрѣ, здѣсь воспользоваться свободой слова, которой мнѣ не дали тамъ — въ совѣщаніи. Дайте мнѣ право возражать здѣсь по всѣмъ этимъ 11 пунктамъ.

Н. Н. Львовъ. Я, собственно, говорю лишь о порядкѣ обсужденія...

Гр. А. А. Уваровъ. Нѣтъ, будемъ обсуждать всѣ пункты по порядку.

А. Д. Юматовъ предлагаетъ заслушать пункты земской резолюціи по порядку и читаетъ п. 1:

1. Ненормальность существующаго въ нашей жизни порядка государственнаго управленія, съ особою силою проявившаяся съ начала восьмидесятыхъ годовъ заключается въ полной разобщенности правительства съ обществомъ и въ отсутствіи необходимаго въ государственной жизни взаимнаго между ними довѣрія.

В. Н.Ознобишинъ. Я вообще несогласенъ съ тѣмъ, что мы можемъ здѣсь обсуждать такіе вопросы. Я оставляю за собою право подать особое мнѣніе.

С. П. Корбутовскій. Я сдѣлалъ здѣсь заявленіе о томъ, что желательно краеугольнымъ камнемъ обсужденія всякихъ вопросовъ положить Высочайшій Указъ. Я, несомнѣнно. долженъ буду по всѣмъ пунктамъ этой резолюціи — протестовать.

Лихаревъ. Я тоже заявляю, что считаю себя не вправѣ обсуждать и говорить по этимъ вопросамъ.

А. Д. Юматовъ ставитъ на баллотировку 1-й пунктъ земской программы.

(Собраніе принимаетъ его).

Семь гласныхъ изъ 45-ти встаютъ противъ.

А. Д. Юматовъ (къ вставшимъ). Позвольте, господа, какъ же васъ считать? Вѣдь, вы не считаете себя вправѣ даже обсуждать вопросы, значитъ вы отказываетесь отъ участія въ голосованіи, и можно считать, что вопросъ прошелъ единогласно?

Изъ группы семи слышны протесты. „Нѣтъ, противъ семи!“ „Мы баллотируемъ!“

А. В. Сумароковъ. Я обращаю ваше вниманіе на то, что мы здѣсь не въ земскомъ собраніи, а въ комиссіи, поэтому такіе вопросы все равно юридическаго значенія почти не имѣютъ.

В. Н. Знобишинъ. Нѣтъ, вы насъ не связывайте. Мы желаемъ оставить за собою право высказывать свое мнѣніе.

А. Д. Юматовъ. Позвольте записать тогда, что 7 лицъ изъ 45-ти остались при особомъ мнѣніи....

Ружичко де-Розенвертъ. Да зачѣмъ же считать голоса? И такъ видно, что вопросъ прошелъ.

Н. Н. Львовъ. Нѣтъ, надо считать. Мы не будемъ знать, какъ прошелъ.

А. Д. Юматовъ. Да, вѣдь, я долженъ считать, что они просто не принимаютъ участія въ обсужденіи.

Н. Д. Юматовъ. Земское собраніе постановило избрать комиссію, въ которой просило принять участіе всѣхъ желающихъ. Теперь выяснилось, что семь человѣкъ не желаютъ принимать въ ней участія, значитъ ихъ въ составѣ комиссіи считать нельзя.

В. Н. Знобишинъ. Я отказываюсь вставать, когда будутъ баллотировать вопросы, а подамъ особое мнѣніе.

А. Д. Юматовъ. Я просилъ бы, господа, не задерживать совѣщанія такими преніями; прошу записать тогда, что семь гласныхъ не высказываются ни за, ни противъ....

С. П. Корбутовскій. Я не противъ самаго содержанія 1 пункта; я встаю, совсѣмъ не потому; по моему, надо исходить изъ Высочайшаго Указа....

А. Д. Юматовъ. Ну-съ, значитъ, Вы — противъ. Такъ и надо записать (Читаетъ пунктъ 2-й):

2. Отношенія правительства къ обществу имѣли въ своемъ основаніи опасеніе развитія общественной самодѣятельности и постоянное стремленіе къ устраненію общества отъ участія во внутреннемъ государственномъ управленіи. Исходя изъ этихъ основаній, правительство стремилось къ проведенію административной

централизаціи во всѣхъ отрасляхъ мѣстнаго управленія и къ опекѣ надъ всѣми сторонами общественной жизни. Взаимодѣйствіе съ обществомъ признавалось правительствомъ исключительно въ смыслѣ приведенія дѣятельности общественныхъ учрежденій въ соотвѣтствіе съ видами правительства.

(Собраніе единогласно принимаетъ его.)

Угодно ли согласиться съ 3-мъ пунктомъ?

3. Бюрократическій строй, разобщая верховную власть съ обществомъ, создаетъ почву для широкаго проявленія административнаго произвола и личнаго усмотрѣнія. Такой порядокъ лишаетъ общество необходимой всегда увѣренности въ охранѣ законныхъ правъ всѣхъ и каждаго, и подрываетъ довѣріе его къ правительству.

(Собраніе единогласно принимаетъ 3-й п.)

Угодно ли согласиться съ 4-мъ пунктомъ?

4. Правильное теченіе и развитіе государственной и общественной жизни возможно лишь при условіи живого и тѣснаго общенія и единенія государственной власти съ обществомъ.

(Собраніе единогласно принимаетъ 4-й п.)

Угодно ли согласиться съ 5-мъ пунктомъ?

5. Для устраненія возможности проявленія административнаго произвола, необходимо установленіе и послѣдовательное проведеніе въ жизнь принципа неприкосновенности личности и частнаго жилища. Никто, безъ постановленія независимой судебной власти, не долженъ быть подвергаемъ взысканію и ограничиваемъ въ своихъ правахъ. Для вышеуказанной цѣли необходимо, кромѣ того, установленіе такого порядка привлеченія къ гражданской и уголовной отвѣтственности должностныхъ лицъ за нарушенія закона, который обезпечивалъ бы практическое осуществленіе начала законности въ управленіи.

Гр. А. А. Уваровъ. Я думаю, что въ этомъ 5 пунктѣ пропущена очень важная вещь. Какимъ образомъ будетъ судебная власть „независима“, свободна отъ того или иного административнаго давленія? Сюда слѣдуетъ ввести указаніе на „несмѣняемость“ судей, по крайней мѣрѣ, въ извѣстныхъ судебныхъ институтахъ.

А. М. Масленниковъ. Тутъ есть нѣкоторое недоразумѣніе. Вѣдь, представители судебной власти различны. Несмѣняемость возможна, напримѣръ, въ окружномъ судѣ, но въ мировомъ институтѣ нѣтъ несмѣняемости; тамъ должность судьи — выборная. По моему, петербургская редакція достаточна. У насъ въ совѣщаніи принимали участіе четверо выдающихся юристовъ, можно сказать, свѣтилъ юридической науки, неужели вы думаете, что они не предусматривали всѣхъ обстоятельствъ, касающихся этого вопроса? Они взвѣсили каждое слово.

Гр. А. А. Уваровъ. Моя редакція точнѣе. Я оговорился, что несмѣняемость должна быть по отношенію къ нѣкоторымъ судебнымъ институтамъ, гдѣ она возможна. Несмѣняемость, по крайней мѣрѣ, теоретически, въ Россіи признана для судебныхъ слѣдователей; я и думаю, что для судебныхъ слѣдователей и для членовъ окружного суда несмѣняемость необходима; только она освободитъ судъ отъ административнаго давленія. И это должно быть введено въ 5-й пунктъ.

А. О. Немировскій. Я думаю, что этой поправки вводить нельзя. Какъ ни заманчиво предложеніе графа и какъ бы ни казалось съ перваго взгляда, что оно расширяетъ и уясняетъ понятіе о независимости суда, на самомъ дѣлѣ оно его ограничиваетъ. И ограничиваетъ именно потому, что редакція графа, какъ онъ говоритъ, „точнѣе“. Вѣдь, по извѣстному вамъ логическому правилу — точное опредѣленіе — по этому самому является и ограниченнымъ опредѣленіемъ. Вы хотите несмѣняемостью гарантировать независимость судей. Но, вѣдь, одного этого мало; для независимости надо очень много другого. Судья не долженъ быть представляемъ къ наградамъ, не долженъ получать чиновъ, онъ никѣмъ не назначается, а выбирается. Если этого нѣтъ — нѣтъ и независимости; слѣдовательно, вамъ надо ввести сюда все, что помимо несмѣняемости служитъ гарантіей этой независимости; и я даже думаю, что несмѣняемость имѣетъ въ этомъ отношеніи меньшее значеніе, чѣмъ, напримѣръ, ненагражденность; это еще болѣе важная вещь. И въ нашей исторіи я знаю случай, когда въ сенатъ былъ назначенъ предсѣдателемъ Департамента г. Даневскій въ чинѣ коллежскаго секретаря. Это идеальное проявленіе начала независимости судьи, которыя когда-то положены были въ основаніе нашихъ судебныхъ уставовъ. Положимъ, мы даже въ этомъ случаѣ не могли все-таки отдѣлаться отъ нашего пристрастія къ табели о рангахъ и его изъ чина коллежскаго секретаря произвели сразу въ тайные совѣтники, но этотъ примѣръ показываетъ все-таки, чего бы надо было хотѣть для дѣйствительной независимости.

Я полагаю, что если этотъ вопросъ деталировать, то уже вводить въ редакцію всѣ аттрибуты этой независимости.

С. А. Котляревскій. Я присоединяюсь къ гр. Уварову. По моему мнѣнію, изъ многихъ условій независимости судей несмѣняемость ихъ всетаки самое существенное, и было бы лучше внести ее въ редакцію этого пункта. То, что говоритъ намъ Александръ Осиповичъ, тоже имѣетъ большое значеніе, но, указывая на несмѣняемость, мы все же выдвигаемъ этимъ самое главное условіе независимости.

А. М. Масленниковъ. Зачѣмъ же намъ деталировать вопросъ? Независимость — это общее понятіе, и его совершенно достаточно.

Гр. А. Д. Нессельроде. Я присоединяюсь къ тому, что сказалъ Александръ Осиповичъ. Понятіе независимости — шире, и лучше остановиться на немъ. Я самъ имѣлъ честь нѣкогда принадлежать къ судебному вѣдомству и помню еще прежнія традиціи, окружавшія нашу независимость. Были у насъ несмѣняемые судебные слѣдователи; и ихъ дѣйствительно не смѣняли, а переводили въ какое-нибудь захолустье. Какое значеніе имѣла для нихъ такая „несмѣняемость“ — можете себѣ представить сами.

Б. А. Араповъ. Подумавши надъ этимъ вопросомъ, я нахожу, что измѣнять ничего не надо. Независимость судебной власти — это есть принципъ, и онъ означаетъ, что независимость не должна нарушаться ни въ какихъ случаяхъ и ни при какихъ обстоятельствахъ, ни въ наградахъ, ни въ чинахъ, ни въ орденахъ. Это слово имѣетъ глубокое принципіальное значеніе. А несмѣняемость — это деталь, это средство. Такимъ добавленіемъ мы только испортимъ редакцію.

А. Д. Юматовъ. Угодно ли оставить редакцію этого пункта, какъ она есть, или принять предложеніе гр. Уварова?

(Собраніе постановило оставить редакцію 5-го пункта безъ измѣненій.)

А. Д. Юматовъ читаетъ 6-й пунктъ:

6. Для полнаго развитія духовныхъ силъ народа, для всесторонняго выясненія общественныхъ нуждъ и для безпрепятственнаго выраженія общественнаго мнѣнія, необходимо обезпеченіе свободы совѣсти и вѣроисповѣданія, свободы слова и печати, а также свободы собраній и союзовъ.

Гр. А. А. Уваровъ. У меня есть по этому пункту свои соображенія. „Для безпрепятственнаго выраженія общественнаго мнѣнія необходимо обезпеченіе свободы совѣсти и вѣроисповѣданія“. Но что такое эта свобода совѣсти и вѣроисповѣданія? Если мы будемъ понимать это лишь абстрактно — я согласенъ. Я убѣжденъ, что свобода совѣсти нужна всѣмъ. Но изъ этого абстрактнаго положенія можно сдѣлать два вывода. Первое: можно всѣмъ открыто проповѣдывать всякую религію, и второе: такъ какъ всякое исповѣданіе свободно, то и права всѣхъ должны быть одинаковы. Вотъ эти-то выводы, я думаю, надо ограничить. Я не нахожу возможнымъ дать полную свободу исповѣдывать свою религію — скопцамъ; этого не позволяютъ государственныя соображенія, въ силу которыхъ скопцы должны быть признаны вреднымъ элементомъ; нельзя дать имъ скопить Россію. Затѣмъ второе соображеніе. Свобода вѣроисповѣданія предполагаетъ, что всѣ вѣроисповѣданія имѣютъ одинаковыя политическія права. Я, господа, не врагъ евреевъ. Я считаю ихъ очень талантливымъ, очень способнымъ народомъ, считаю, что они совершенно напрасно лишены многихъ правъ, но отсюда еще не вытекаетъ необходимость предоставить имъ доминирующую роль надъ русской національностью. У насъ въ Саратовской губерніи, какъ и въ какой-нибудь Московской — этого вопроса нѣтъ, и мы, конечно, могли бы всѣмъ предоставить одинаковыя права, но въ Западной Россіи, гдѣ евреи доминируютъ, — это уже не такъ. Я не думаю, чтобы въ государственныхъ интересахъ было дать имъ право захватить все въ свои руки, стать чуть не единственными представителями въ земствѣ, въ городахъ.... Для Западнаго края должно быть установлено извѣстное процентное отношеніе. Съ другой стороны — по воспитанію имъ, конечно, всюду должна быть предоставлена полная возможность поступать во всѣ учебныя заведенія. Это — понятно, но право свободнаго вѣроисповѣданія должно во всякомъ случаѣ подчиняться государственному интересу, и мы видимъ это въ самыхъ конституціонныхъ странахъ, даже въ странахъ съ республиканскомъ образомъ правленія.

Теперь о свободѣ слова. Какая такая бываетъ свобода слова, позвольте мнѣ про это разсказать вамъ, господа, факты изъ жизни того самаго Совѣщанія, которое предлагаетъ намъ эту свободу слова въ 6-мъ пунктѣ своихъ постановленій. Когда я узналъ объ этомъ совѣщаніи, я обратился во всѣ мѣста, гдѣ могъ раз-

считывать получить разрѣшеніе попасть туда. И, несмотря на всѣ мои старанія, это оказалось невозможнымъ — меня не пускали. Такъ вотъ, если вы говорите объ этой свободѣ — я противъ нея. Если я даже одинъ остаюсь со своими мнѣніями, и мнѣ одному должна быть дана свобода слова. И Совѣщаніе, которое меня лишило этой свободы, едва ли имѣло право говорить о свободѣ слова. . . . У васъ ея было слишкомъ мало, Плеве не давалъ вамъ говорить. Потомъ вамъ дали эту возможность, и вы начинаете съ того, что, думая, что я для вашего совѣщанія недостаточно радикаленъ — вы ошибались, господа! я во многомъ гораздо радикальнѣе васъ — вы запрещаете мнѣ говорить. . . . Это — насмѣшка!

Свобода печати. Я самъ сторонникъ свободы печати. Но я нахожу нужнымъ и тутъ спросить: какая свобода? Такая, чтобы каждый могъ печатать все, что онъ хочетъ? Сказать, что нужна свобода печати — мало; оттого мало, что, сказавши это, надо оговориться. Если вы говорите, что всѣмъ надо дать свободу обсуждать въ печати всякіе вопросы политической важности — да, это надо. Но можно ли дать свободу печатать въ газетахъ позорящія меня свѣдѣнія, увѣрять, напр., читателей, что моя жена находится съ кѣмъ-нибудь въ связи? А во Франціи это дѣлается. Во Франціи свободно распространяется порнографія. Это тоже — свобода печати. И я думаю, что не слѣдуетъ говорить о свободѣ печати, а надо говорить вотъ о чемъ: о томъ, чтобы печать была освобождена отъ всякихъ административныхъ взысканій, отъ всякихъ каръ, чтобы она отвѣчала только передъ судомъ. Долженъ быть изданъ законъ о печати, гдѣ для такихъ вещей, какъ порнографія, свобода печати была бы ограничена. Я въ концѣ концовъ думаю, что печать ни въ какой странѣ не имѣетъ полной свободы. И такая формулировка будетъ ближе къ дѣлу. Избавьте печать отъ циркуляровъ, отъ администраціи и подчините ее суду.

Затѣмъ — свобода собраній и союзовъ. Это двѣ вещи разныя. И опять-таки необходимо разъяснить, что же именно понимается подъ этими свободами. Во Франціи свобода собраній, напр., самая широкая, но и тамъ нѣтъ того, чтобы каждый могъ устраивать собранія тамъ, гдѣ онъ захочетъ.

Представьте себѣ, что идетъ по Нѣмецкой улицѣ толпа и рѣшаетъ зайти куда-нибудь, ну, хоть въ „Россію“ и устроить тамъ собраніе безъ всякаго соглашенія съ хозяиномъ. Это будетъ возможно? Здѣсь уже нѣчто подобное было — въ коммерческомъ клубѣ. Я желалъ бы, чтобы мнѣ подробнѣе выяснили, какъ же понимались эти свободы Совѣщаніемъ.

А. Д. Юматовъ. Быть можетъ, Николай Николаевичъ разъяснитъ это обстоятельство?

В. М. Обуховъ. Здѣсь сказано такимъ образомъ: свобода собраній и союзовъ. Я считаю необходимымъ добавить къ этому: и стачекъ. Хотя свобода стачекъ какъ будто и не относится къ политическимъ правамъ, но это есть коллективное дѣйствіе, которое этимъ признакомъ выдвигается на особое мѣсто. Если я отказываюсь отъ работы, мой индивидуальный отказъ не есть преступленіе; а если отказъ этотъ коллективный — онъ является уже наказуемымъ. Я считаю, что свободу стачекъ необходимо включить въ этотъ пунктъ. Что касается того, что говорилъ сейчасъ гр. Уваровъ, то я съ этимъ согласиться не могу.

А. О. Немировскій. Заявленіе гр. Уварова страдаетъ тою же логической погрѣшностью, которую я отмѣтилъ въ его заявленіи о понятіи независимости суда. Онъ говоритъ, что недостаточно выразиться, что необходима свобода совѣсти и вѣроисповѣданія, а надо еще пополнить это добавленіемъ, что нѣкоторыя секты не должны имѣть права свободнаго отправленія своего культа, и привелъ въ поясненіе этого примѣръ: скопцы. Я бы сказалъ на это гр. Уварову, что такой свободы совѣсти и вѣроисповѣданія, которая давала бы возможность исповѣдывать открыто всякій культъ — не „религію“, графъ, а именно „культъ“, — даже культъ членовредительства, такой свободы нигдѣ не существуетъ. Пополнять редакцію этого пункта такими добавленіями — значитъ рваться въ открытую дверь. Америка наиболѣе свободная страна въ этомъ отношеніи, но и тамъ культы, связанные съ поврежденіями — не признаются; они и считаются не культомъ, а „изувѣрствомъ“. Поэтому, повторяю, нѣтъ надобности пополнять редакцію. Детерминируя понятіе свободы совѣсти и вѣроисповѣданія, мы будемъ отрицать этимъ самое понятіе. Что же касается до свободы національностей, то этотъ вопросъ связанъ съ редакціей 7-го пункта, гдѣ говорится, что права всѣхъ гражданъ Россійской Имперіи должны быть равны. Затѣмъ — весьма важный вопросъ относительно свободы печатнаго слова. Многіе считаютъ его наиболѣе важнымъ вопросомъ, и это не удивительно, потому что свобода печати — это центральный пунктъ

разныхъ свободъ. Но если мы и въ этомъ вопросѣ будемъ касаться деталей, мы остановимся опять на разныхъ формахъ свободы, на способахъ ея осуществленія и все это въ такой резолюціи будетъ совершенно неумѣстно; предусматривая случаи, въ которыхъ печать должна отвѣчать за злоупотребленія своей свободой — мы будемъ опять рваться въ открытую дверь.

Неужели графъ полагаетъ, что установленіе такого важнаго факта, какъ свобода печати, можетъ обойтись безъ соотвѣтствующаго закона? И нѣтъ никакой надобности толковать намъ здѣсь о правѣ газетъ касаться личностей. Само собою разумѣется, что печать можетъ быть свободна только отъ административнаго гнета, а не отъ отвѣтственности. Свобода отъ отвѣтственности — это уже не свобода, а своеволіе, хаосъ, и само собой понятно, что мы можемъ въ этомъ вопросѣ желать одного: дайте печати право говорить, но установите при этомъ и отвѣтственность; и чѣмъ шире данное печати право, тѣмъ больше должна быть и ея отвѣтственность. А на мелочахъ останавливаться здѣсь не стоитъ. Будемъ полагать, что почти всѣ грамотные и культурные люди именно такъ поймутъ свободу печати.

(Голоса: Ясно: ясно! вопросъ!)

А. М. Масленниковъ. О свободѣ слова, вѣроисповѣданія и совѣсти ничего добавлять не надо. Но я присоединяюсь къ тому, что къ свободѣ союзовъ должно быть добавлено: „и свобода стачекъ“.

(Голоса: это отдѣльно надо обсудить!)

А. Д. Юматовъ. Что-же, угодно пробаллотировать предложеніе гр. Уварова?

Гр. А. А. Уваровъ. Я не дѣлаю никакого предложенія. Я только заявляю, что я тоже — грамотенъ, но я не понимаю свободы печати, если она не связана съ гарантіями противъ клеветы и другихъ злоупотребленій. Я съ этимъ зломъ знакомъ достаточно, на себѣ испыталъ. Думаю, что и Александръ Осиповичъ достаточно это понимаетъ по личному же опыту. Поэтому я и говорю, что на печать нуженъ судъ. Ал. Осип. обращался за защитой въ другія мѣста, а я ни къ кому не обращался, даже къ губернатору.

А. О. Немировскій. Къ кому я обращался?

Гр. А. А. Уваровъ. . . . Къ губернатору. . . .

А. О. Немировскій. Я не думаю, чтобы такого рода намеки были достойны настоящаго совѣщанія. . . . Я не обращался ни къ какимъ властямъ.

(Гласные протестуютъ и просятъ прекратить подобныя пререканія,)

А. Д. Юматовъ. Такъ угодно будетъ внести поправку гр. Уварова?

(Собраніе отклоняетъ необходимость поправокъ и принимаетъ редакцію Петербургскаго Совѣщанія.)

Угодно ли теперь дополнить эту редакцію включеніемъ сюда-же и необходимости свободы стачекъ?

Н. Н. Львовъ. По этому поводу я долженъ замѣтить слѣдующее. Вопросъ о свободѣ чрезвычайно широкъ, и нельзя сказать, что въ 6-й пунктъ все уже включено, что сюда несомнѣнно относится. Свобода передвиженія — вѣдь это тоже необходимая всѣмъ свобода. Можно сказать, что неисчислимо количество тѣхъ свободъ, которыми долженъ пользоваться каждый. Но изъ этого не значитъ, что всѣ они должны быть перечислены. Въ этомъ пунктѣ указываются только основные виды личной и политической свободы. Онъ не задается цѣлью исчерпать ихъ. И когда въ немъ говорится о свободѣ союзовъ — уже этимъ самымъ, конечно, подразумѣвается и свобода стачекъ.

А. М. Масленниковъ. Я согласился бы съ Николаемъ Николаевичемъ, что въ нашихъ постановленіяхъ не слѣдуетъ детализировать вопросъ, если эти детали сами собой подразумѣваются въ общей формулѣ. Но по отношенію къ стачкамъ такой пріемъ былъ бы уже упущеніемъ. Всѣ свободы входятъ въ понятіе гражданской свободы, но вопросъ о свободѣ стачекъ въ права гражданскія не входитъ совсѣмъ; стачки у насъ караются уголовнымъ закономъ, ихъ не разрѣшаютъ подъ угрозой уголовной отвѣтственности. Вы меня простите, господа, но это уже совсѣмъ другое дѣло. И вездѣ въ западныхъ странахъ этотъ вопросъ является особеннымъ вопросомъ; тамъ уже узнали, что репрессіи въ этомъ отношеніи не только не устраняютъ чего-либо, но вносятъ въ гражданскія отношенія одинъ сумбуръ. Разъ человѣкъ продаетъ свой трудъ, то и онъ, и тотъ, кто покупаетъ этотъ трудъ, должны быть поставлены въ одинаковое положеніе, а этого нѣтъ. У рабочихъ стачка является единственнымъ средствомъ отстаивать свои интересы и для нихъ этотъ вопросъ въ высшей степени важенъ. Вотъ теперь идутъ стачки въ Баку. Сами предприниматели поняли, до какой степени выставленныя требованія законны. Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ — чего эти рабочіе хотѣли? Требовали они, чтобы съ ними

обращались вѣжливо, чтобы дали имъ баню, чтобы ихъ не обыскивали, чтобы работать имъ 9 часовъ — вотъ какія, въ сущности скромныя требованія! Да вѣдь и все наше фабричное законодательство явилось результатомъ именно стачекъ. Мы карали ихъ, но подѣлать съ ними все равно ничего не могли и сами признали, что нужно обезпечить закономъ нѣкоторыя желанія рабочихъ. Зачѣмъ же обрушиваться уголовнымъ наказаніемъ на то, что не въ силахъ уничтожить никакое правительство?

Гр. А. Д. Нессельроде. Я хотѣлъ бы прибавить къ этому, что союзы и стачка — это различныя вещи. Союзъ — это опредѣленная организація, болѣе или менѣе постоянная. Стачка — это временная вещь. Затѣмъ въ этомъ вопросѣ о стачкахъ есть двѣ стороны. Есть рабочія стачки, стачки тѣхъ, кто продаетъ свой трудъ, и онѣ, какъ мы видѣли, караются уголовнымъ закономъ. А, между тѣмъ, другого рода стачки — предпринимателей, всѣ эти синдикаты, треесты, которые, въ сущности, гораздо для насъ вреднѣе, не караются.

С. А. Котляревскій. Я тожо долженъ сказать, что юридическая свобода стачекъ не совсѣмъ входитъ въ понятіе свободы союзовъ и собраній. У нѣмцевъ, напримѣръ, это различается, и я думаю, что предложеніе дополнить 6-ой пунктъ внесеніемъ свободы стачекъ должно быть принято и подобное дополненіе нужно внести. Классовая борьба существуетъ, это — фактъ большой соціальной важности. И законодательство другихъ странъ предоставляетъ этой борьбѣ широкія легальныя формы и именно этимъ предотвращаетъ стачки анархическія, неорганизованныя, вносящія въ общественную жизнь смуту.... Организованныя коллективныя дѣйствія становятся возможными только при свободѣ союзовъ и стачекъ. Я долженъ сказать, что даже русское законодательство уже весьма близко стоитъ къ легализированію стачекъ. Въ послѣднее время въ Министерствѣ Финансовъ возбуждается вопросъ о желательности устранить уголовную наказуемость стачекъ. И это совершенно справедливо. Стачка, если ею не нарушается свобода труда другихъ, — это незамѣнимая форма борьбы рабочихъ за свои интересы, обезпечивающая наиболѣе мирное и дѣйствительное разрѣшеніе существенныхъ вопросовъ, связанныхъ съ этими интересами.

А. В. Сумароковъ. По моему мнѣнію, дополнять этотъ пунктъ требованіемъ свободы стачекъ — не нужно. Стачка — вѣдь, это тотъ же союзъ, только временный, и въ резолюцію, которая намѣчаетъ крупные, основные принципы, вводить эту подробность — не къ чему. Это временный договоръ, который, пока онъ существуетъ, имѣетъ всѣ признаки союза, и который прекращается съ прекращеніемъ вызвавшихъ его обстоятельствъ.

М. В. Безобразовъ. Я не согласенъ съ тѣмъ мнѣніемъ, что понятіе стачекъ включается въ понятіе союза, думаю, что вопросъ о стачкахъ — очень существенный и большой вопросъ; я вполнѣ присоединяюсь къ тому, что стачки должны быть свободны, но здѣсь, въ 6-мъ пунктѣ, этого включать не слѣдуетъ. Это слишкомъ спеціальная свобода. Почему въ самомъ дѣлѣ не включить тогда въ этотъ пунктъ и свободу передвиженія? Я думаю, что всѣ эти спеціальныя свободы явятся неибѣжно какъ содержаніе основныхъ свободъ, о которыхъ должна въ настоящее время итти рѣчь.

Ружичко де-Розенвертъ. Скажите, тресты и синдикаты разрѣшены?

А. О Немировскій. Законъ ихъ совсѣмъ не обнимаетъ; такихъ случаевъ много.

Ружичко де-Розенвертъ. Что же понимаетъ Совѣщаніе подъ свободой союзовъ? Свобода трѣстовъ, напримѣръ, входитъ сюда?

Н. Н. Львовъ. Объ этомъ тамъ и не говорили. Я не буду, впрочемъ, настаивать на своемъ мнѣніи, что добавлять этотъ пунктъ свободой стачекъ — не надо, но если добавлять, то тогда нужно бы добавить уже и свободу науки и цѣлый рядъ другихъ положеній. По моему, существеннаго значенія такія добавленія не будутъ имѣть.

В. М. Обуховъ. Изъ всѣхъ возраженій, сдѣланныхъ здѣсь противъ включенія въ 6-й пункъ свободы стачекъ я остановлюсь на двухъ. Первое — это то, что вопросъ о свободѣ стачекъ будто бы заключается уже въ вопросѣ о свободѣ союзовъ. Это совершенно невѣрно; я могу сослаться на русское законодательство: тамъ статьи о стачкахъ помѣщены совсѣмъ въ другомъ отдѣлѣ и за иниціативу въ стачкѣ грозитъ болѣе серьезное наказаніе, чѣмъ за союзъ. Слѣдовательно, съ точки зрѣнія законодательства вопросы эти совсѣмъ не совпадаютъ. И это понятно. Вопросъ о свободѣ собраній и союзовъ связанъ съ вопросомъ о цѣли ихъ; это свобода союзовъ и собраній для какихъ угодно цѣлей. А вопросъ о свободѣ

стачекъ — это вотъ что: то дѣяніе, которое индивидуально не наказуемо, должно быть ненаказуемо и для цѣлаго ряда лицъ, предпринявшихъ его одновременно. Представьте себѣ, что будетъ объявлена полная свобода союзовъ и собраній; она войдетъ въ гражданскія права каждаго, а въ уголовномъ законодательствѣ стачка все-таки останется дѣяніемъ наказуемымъ. Это, господа, надо имѣть въ виду. Свобода стачекъ должна входить въ отдѣлъ политическихъ правъ, и ни одинъ вопросъ о политическихъ правахъ не является, быть можетъ, вопросомъ о столь настоятельной потребности, какъ именно вопросъ о свободѣ стачекъ. Нѣсколько послѣднихъ дней съ ихъ событіями, я думая, служатъ достаточнымъ аргументомъ за это. Мы знаемъ, что отсутствіе свободы стачекъ ведетъ зачастую къ кровопролитіямъ.

Далѣе, здѣсь говорятъ, что, если вводить свободу стачекъ, такъ нужно вводить и другія свободы, напримѣръ, свободу передвиженія. Я ничего не имѣлъ бы противъ этого, но я нахожу, что въ слѣдующемъ пунктѣ это предусматривается. Въ сущности говоря, свободы передвиженія нѣтъ только у крестьянъ и у мѣщанъ...

(Голоса: „а паспорта?“)

... Да, вѣдь, паспортъ не есть ограниченіе...

(Голоса: „нѣтъ, ограничиваетъ!“ — „Вы попробуйте забыть его дома, увидите тогда!“)

... Ну, это другое дѣло. Я во всякомъ случаѣ настаиваю, чтобы свобода стачекъ была включена въ 6-й пунктъ.

А. О. Немировскій. Я бы высказался противъ этого. Детализируя вопросъ о свободѣ союзовъ, мы неминуемо должны будемъ коснуться и другихъ свободъ, помимо свободы стачекъ. Таковъ, дѣйствительно, вопросъ и о свободѣ передвиженія: но я думаю, что если ужъ говорить объ отдѣльныхъ свободахъ, то надо ввести сюда вопросъ о свободѣ науки. Это имѣетъ за себя большія основанія. Когда мы говоримъ о свободѣ трестовъ, союзовъ экономическихъ, стачекъ, мы можемъ говорить лишь объ относительной свободѣ, о свободѣ въ мѣру признанія ея закономъ. Абсолютной свободы здѣсь быть не можетъ и ея нигдѣ нѣтъ. Тресты возникли въ самой свободной странѣ — въ Америкѣ, но разъ они начинаютъ принимать размѣры, угрожающіе общему благополучію, вредящіе интересамъ страны — и тамъ власть становится близка къ тому, чтобы принять противъ нихъ ограничительныя мѣры. И иначе — нельзя. Поэтому сказать просто — нужна свобода стачекъ — это еще мало. Этимъ не все сказано. Одинъ только объектъ есть, для котораго возможно желать такой абсолютной свободы — это наука. Только относительно нея — сказать, что наука должна быть свободна, значитъ сказать все. Въ Германіи — конституція, и она устанавливаетъ, какъ основной законъ въ одномъ изъ первыхъ своихъ параграфовъ, что „наука и ея преподаваніе свободны“,[1] и признаетъ этой короткой формулой, что этотъ объектъ никакимъ ограниченіямъ не подлежитъ. Такъ вотъ, если вы въ разсматриваемомъ пунктѣ обошли эту свободу, которая сама по себѣ не терпитъ ограниченій, какъ же вы хотите установить въ немъ такую детализацію, какъ введеніе свободы стачекъ, которая не можетъ въ извѣстныхъ случаяхъ не подлежать ограниченіямъ.

Б. А. Араповъ. Я согласенъ, наоборотъ, съ тѣмъ, что свободу стачекъ ввести въ этотъ пунктъ необходимо. Это будетъ имѣть воспитательное значеніе и для самихъ рабочихъ. Вѣдь, мы знаемъ, что рабочіе этого просятъ; пріобрѣтеніе этой свободы ихъ удовлетворитъ. Если будетъ сдѣлано такое дополненіе, этимъ открывается возможность того, что рабочій вопросъ, вопросы народныхъ нуждъ могутъ быть разрѣшаемы мирнымъ путемъ, безъ тѣхъ потрясеній, которыя всюду возникаютъ изъ-за отсутствія этой свободы. Я согласенъ, что, можетъ быть, свобода стачекъ входитъ въ общее понятіе свободы союзовъ, но дѣло не въ этомъ, а въ томъ, что совсѣмъ особое мѣсто долженъ занимать рабочій вопросъ, потому что онъ то ужъ ни въ какіе другіе вопросы не входитъ. А потому и свобода стачекъ является отдѣльнымъ вопросомъ и о ней необходимо высказаться въ нашихъ пожеланіяхъ особо. Конечно, всякую свободу, которой жаждетъ человѣкъ, надо регламентировать; но намъ здѣсь предусматривать эту регламентацію не къ чему. Она придетъ вмѣстѣ съ закономъ о свободѣ.

А. М. Масленниковъ. Что вопросъ о свободѣ стачекъ — не деталь, это уже тѣмъ доказывается, что мы вотъ полъ-часа говоримъ объ этой детали. Если, какъ тутъ говорятъ, это „несущественно“, „само собою подразумѣвается“, это

[1] Это положеніе не германской, а прусской конституціи. Ред. „Осв.“

вопросъ о „словѣ“, такъ неужели добавить-то одно это слово такъ трудно, что это вызываетъ споръ на полчаса времени?

В. М. Обуховъ. За эту „деталь“ льется кровь человѣческая....

(Голоса: „тогда включайте и свободу науки!“)

Гр. А. Д. Нессельроде. Подъ свободой слова подразумѣвается уже и свобода науки.

А. О. Немировскій. Въ Австріи, напримѣръ, свободы науки нѣтъ.

А. М. Масленниковъ. Ну, введите сюда и „свободу науки“. О чемъ же говорить?

Гр. А. Д. Нессельроде. Свобода науки раньше всего предполагаетъ возможность говорить свободно, свободное слово. А свобода стачекъ не сводится къ свободѣ союзовъ. Союзъ — это продолжительныя отношенія, стачка — непродолжительныя, временныя. И ни въ одномъ законѣ свободой союзовъ не предусматривается свобода стачекъ...

(Голоса: „вопросъ! вопросъ! довольно!“)

Гр. А. А. Уваровъ. Я, господа, думаю, что если здѣсь что надо добавить, такъ не свободу стачекъ, а „свободу труда“. Свобода стачекъ основана на томъ, что каждый имѣетъ право самъ не работать, но если стачки доходятъ до кровопролитія (мы видимъ это и во Франціи, напримѣръ), такъ происходитъ это оттого, что стачка нарушаетъ право труда другихъ, не стачечниковъ, оттого, что нежелающіе работать силой принуждаютъ къ тому же тѣхъ, кто хочетъ работать.

А. М. Масленниковъ. Это разница; одно дѣло — стачка, а другое — принужденіе къ стачкѣ. И на Западѣ бываютъ на почвѣ этого принужденія кровопролитія, но у насъ кровопролитія вызываются тѣмъ, что стачка сама преслѣдуется нашими законами. Попробуйте вы устроить стачку хотя бы съ самыми законными, самыми скромными требованіями! Сейчасъ прокуроръ начнетъ писать слѣдователю, слѣдователь пишетъ полиціи, начинаются аресты, возмущеніе, отыскиваніе виновныхъ и вотъ вамъ готовъ Златоустъ, гдѣ это исканіе виновныхъ кончилось тѣмъ, что 25 человѣкъ было убито, больше 100 человѣкъ ранено. Вы меня извините, господа, эта „свобода стачекъ“ совсѣмъ не то, что свобода громить другихъ. Ея обходить нельзя.

Мотовиловъ. Надо включить это дополненіе; если синдикаты могутъ устраиваться, такъ отношеніе должно быть равное и къ тѣмъ, и къ другимъ. И то, что будетъ сказано о свободѣ союзовъ, этого еще мало. Давно уже, 6 лѣтъ назадъ, законъ позволилъ женщинамъ поступать въ аптеки съ женскимъ составомъ служащихъ; но дѣло въ томъ, что аптеки-то такой нигдѣ нѣтъ....

(Голоса: „довольно! вопросъ!“)

Н. Д. Михайловъ. Соедините тогда свободу науки и стачекъ!

А. Д. Юматовъ. Угодно ли будетъ дополнить словами: „и стачекъ“ 6-й п.?

Н. Д. Михайловъ. Соедините вмѣстѣ, иначе я голосую противъ!

Н. Н. Львовъ. Для чего придавать такую остроту этому вопросу?

А. Д. Юматовъ пробуетъ опять поставить вопросъ.

(Шумъ. Голоса: „баллотируйте вмѣстѣ!“ „Отдѣльно!“)

А. Д. Юматовъ. Я баллотирую отдѣльно. Угодно ли вамъ дополнить 6-ой пунктъ словами: „и свободу науки и ея преподаванія“?

(Собраніе принимаетъ предложеніе.)

А. Д. Юматовъ. Угодно ли дополнить этотъ же пунктъ еще словами: „и свободу стачекъ“?

П. С. Иконниковъ. Какъ же съ этимъ такъ рѣшать. Вѣдь, они громятъ фабрики....

(Шумъ. Голоса: „это не то!“ „Это вопросъ уголовной отвѣтственности!“ „За это отвѣчаютъ, какъ за всякое насиліе!“)

А. Д. Юматовъ вновь ставитъ вопросъ.

(Собраніе принимаетъ предложеніе дополнить п. 6-й словами: „и свободу стачекъ“ очевиднымъ большинствомъ.)

А. Д. Юматовъ. Теперь 7-й пунктъ:

7. Личныя (гражданскія и политическія) права всѣхъ гражданъ Россійской Имперіи должны быть равны.

(Собраніе принимаетъ 7-й пунктъ.)

8. Самодѣятельность общества является главнымъ условіемъ правильнаго и успѣшнаго развитія политической и экономической жизни страны; такъ какъ значительное большинство населенія Россіи принадлежитъ къ крестьянскому сословію, то слѣдуетъ, прежде всего, поставить это послѣднее въ положеніе, благо-

пріятствующее развитію въ немъ самодѣятельности и энергіи, а это достижимо только путемъ коренного измѣненія нынѣшняго неполноправнаго и приниженнаго состоянія крестьянъ. Въ этихъ цѣляхъ необходимо:

а) уравнять крестьянъ въ личныхъ правахъ съ лицами другихъ сословій;

б) освободить отъ административной опеки сельское населеніе во всѣхъ проявленіяхъ его личной и общественной жизни и

в) оградить его правильной формой суда.

(Собраніе принимаетъ 8-й пунктъ.)

9. Земскія и городскія учрежденія, въ которыхъ по преимуществу сосредоточивается мѣстная общественная жизнь, должны быть поставлены въ такія условія, при которыхъ они могли бы съ успѣхомъ выполнять обязанности, присущія правильно и широко поставленнымъ органамъ мѣстнаго самоуправленія; для этого необходимо:

а) чтобы земское представительство было организовано не на сословныхъ началахъ и чтобы къ участію въ земскомъ и городскомъ самоуправленіи были привлечены по возможности всѣ наличныя силы мѣстнаго населенія;

б) чтобы земскія учрежденія были приближены къ населенію путемъ созданія мелкихъ земскихъ единицъ на началахъ, обезпечивающихъ ихъ дѣйствительную самодѣятельность;

в) чтобы кругъ вѣдомства земскихъ и городскихъ учрежденій простирался на всю область мѣстныхъ пользъ и нуждъ; чтобы названнымъ учрежденіямъ были предоставлены должныя устойчивость и самостоятельность, при наличности которыхъ только и возможны правильное развитіе ихъ дѣятельности и созданіе необходимаго взаимодѣйствія правительственныхъ и общественныхъ учрежденій. Мѣстное самоуправленіе должно быть распространено на всѣ части Россійской Имперіи.

В. М. Обуховъ. Въ этомъ пунктѣ сказано, чтобы къ участію въ земскомъ и городскомъ самоуправленіи были привлечены „по возможности“ всѣ наличныя силы населенія. Вотъ эти слова „по возможности“ противорѣчатъ 7 п., гдѣ сказано, что политическія и гражданскія права должны быть для всѣхъ равны. Эту фразу „по возможности“ я предлагаю выкинуть.

(Голоса: вѣрно! правильно!)

Гр. Уваровъ. Позвольте мнѣ защитить редакцію, которую тоже вѣроятно 4 свѣтила адвокатуры и науки выработали и, конечно, взвѣсили въ ней каждое слово! Отчего тутъ сказано „по возможности“? Вамъ кажется, что это ограничиваетъ права лицъ? Нисколько. Развѣ въ 9 п. говорится, что къ участію въ самоуправленіи должны быть „по возможности“ привлечены „всѣ лица“? Нѣтъ, тутъ сказано: „всѣ силы“. Это не касается представительства, не исключаетъ кого-либо изъ этого самоуправленія. Рѣчь идетъ не о людяхъ, а о „силахъ“.

(Голоса: вѣрно!)

(Обухову) . . . значитъ поправка Ваша совершенно не нужна.

В. М. Обуховъ. Нѣтъ, нужна. Силы — это слои населенія. „По возможности“ всѣ, это значитъ уже „не всѣ“. . . .

П. С. Иконниковъ. Я думаю, что если бы мы приняли постановленія Совѣщанія цѣликомъ — мы могли бы присоединиться къ нимъ и въ Собраніи. И это прошло бы. А эти поправки сдѣлаютъ, пожалуй то, что въ Собраніи мы ничего не сможемъ провести. Намъ могутъ не позволить читать тамъ резолюціи.

А. Д. Юматовъ. Это, дѣйствительно, можетъ затруднить. Такъ какъ же, господа, угодно принять 9-й пунктъ такъ, какъ онъ есть?

Гр. А. А. Уваровъ. По моему мнѣнію, въ этомъ пунктѣ гораздо серьезнѣе другое. Здѣсь сказано: на всѣ части Россійской Имперіи. Напримѣръ — и на Финляндію? Вѣдь, она тоже часть нашей Имперіи. Я не думаю, чтобы эти слова можно было толковать въ такой категорической формѣ. Я понимаю, когда говорятъ о Западномъ Краѣ и Польшѣ. . . .

(Голоса: „это деталь“.)

А. А. Павловъ. Это, господа, просто редакціонная ошибка. То самое слово „по возможности“ о которомъ говорили должно было стоять именно здѣсь. Нельзя, напримѣръ, ввести мѣстное самоуправленіе въ Якутской области по чисто мѣстнымъ особенностямъ этого края. Нельзя, разумѣется, и въ Финляндіи его вводить. Я отлично помню, что Д. Н. Шиповъ мнѣ говорилъ, что именно сюда и должны были относиться слова: „по возможности“. . . .

(Вѣрно! Вѣрно!)

. . . . Это — редакціонная ошибка и намъ просто надо перенести эти слова на свое мѣсто.

Б. А. Араповъ. Да вѣдь это все равно! Пишите, не пишите, а если ввести самоуправленіе гдѣ-нибудь никакъ нельзя, такъ все равно вы ничего и не сдѣлаете.

А. А. Павловъ. На это есть возраженіе: не слѣдуетъ выражать пожеланія, которыя неосуществимы. Это крупное пожеланіе, и неудобно слышать его въ непріемлемой формѣ.

А. В. Сумароковъ. Я нахожу возможнымъ сохранить редакцію этого пункта. Она составлена въ общихъ выраженіяхъ, и вовсе не означаетъ, что въ Якутской области предполагается то же самое самоуправленіе, какъ и въ Москвѣ; но почему и въ Якутской области не быть какому-нибудь самоуправленію? Я думаю, что гдѣ можно найти жителей болѣе, чѣмъ ... ну, напримѣръ, трехъ, тамъ уже самоуправленіе хоть какое-нибудь, да возможно.

А. Д. Юматовъ баллотируетъ вопросъ.

(Собраніе принимаетъ редакцію безъ измѣненія.)

— По 10-му пункту здѣсь напечатано лишь мнѣніе большинства, принятое Собраніемъ. Оно выражено такъ:

10. Мнѣніе большинства. Но для созданія и сохраненія всегда живого и тѣснаго общенія и единенія государственной власти съ обществомъ на основѣ вышеуказанныхъ началъ и для обезпеченія правильнаго развитія государственной и общественной жизни безусловно необходимо правильное участіе народнаго представительства, какъ особаго выборнаго учрежденія, въ осуществленіи законодательной власти, въ установленіи государственной росписи доходовъ и расходовъ и въ контролѣ за законностью дѣйствій администраціи.

Гр. А. Д. Уваровъ. Хотя эти мнѣнія меньшинства и большинства, конечно, написаны тоже четырьмя свѣтилами, которыми кто-то очень гордится, и написаны, разумѣется, очень толково и очень ясно, но я, господа, 8 недѣль читалъ ихъ и до сихъ поръ ничего не понимаю ...

(Смѣхъ.)

... Не понимаю ни того, ни другого мнѣнія. Вѣдь этотъ съѣздъ былъ частнымъ совѣщаніемъ, такимъ же, какъ и наше сегодняшнее совѣщаніе. Зачѣмъ же было облекать на этомъ частномъ совѣщаніи свои пожеланія въ какія-то иносказательныя формы? Чего хочетъ большинство? Не понятно. Меньшинство? Это еще менѣе можно понять. Можетъ быть тѣ члены нашего совѣщанія, которые были на Петербургскомъ съѣздѣ скажутъ намъ простыми словами какъ слѣдуетъ понимать этотъ 10-й пунктъ? Очевидно, одни хотѣли такую-то конституцію, а другіе — другую, но кто и какую именно желалъ получить?

С. А. Котляревскій. Это вѣрно, но вѣрно только относительно мнѣнія меньшинства. Подъ мнѣніе меньшинства подходитъ дѣйствительно цѣлый рядъ различныхъ государственныхъ конституцій. Сюда можно подвести и такое государственное устройство, гдѣ народнымъ представителямъ принадлежитъ законодательная власть и такое, гдѣ ихъ роль сводится къ роли экспертовъ, гдѣ они имѣютъ только совѣщательный голосъ. Мнѣніе меньшинства, поскольку это выяснилось на совѣщаніи, скорѣе склоняется къ послѣднему. Мнѣніе же большинства этой неопредѣленностью не страдаетъ. Оно указываетъ опредѣленные признаки новой государственной жизни; оно не довольствуется пожеланіемъ какого бы то ни было представительства, а желаетъ такого представительства, которое бы участвовало во власти, имѣло бы тамъ рѣшающій голосъ. Никакой законъ не можетъ получить законную силу, не пройдя черезъ санкцію народныхъ представителей. Бюджетъ утверждается тѣми же народными представителями и т. д. Конечно, тутъ открывается широкая возможность разнообразныхъ конструкцій самого представительства, но при редактированіи этого пункта Совѣщаніе стремилось намѣтить только общій принципъ. И дальше такой общности нельзя итти. Странно, если бы частныя лица, случайно собравшіяся, взяли бы на себя смѣлость вырабатывать конкретный проектъ государственнаго устройства, не ограничиваясь лишь общими указаніями.

А. М. Масленниковъ. Упрекъ графа Уварова, по моему, надо отнести къ той же категоріи, что и его предыдущіе упреки, обращенные къ выработаннымъ на совѣщаніи постановленіямъ. Они порождаютъ рѣзкія недоразумѣнія, а въ концѣ концовъ оказывается, что вопросъ проходитъ единогласно. Мнѣ кажется, господа, что графъ Уваровъ недоволенъ тѣмъ, почему тутъ не написано слово „конституція“. По простой причинѣ не написано. Оно, это слово — только слово; а между тѣмъ русская жизнь нуждается не въ словахъ, а въ реальныхъ фактахъ. Искали на совѣщаніи не слова, а такого, учрежденія, которое нужно для исцѣленія русской жизни. Вѣдь, что такое „конституція“? Въ Германіи — конституція, и тамъ им-

нераторъ самъ назначаетъ министровъ, онъ тамъ — глава арміи, онъ даже объявляетъ войну или заключаетъ миръ, никого не спросясь. Въ Англіи тоже конституція, но министры тамъ выбираются парламентомъ, только парламентъ можетъ объявить войну, ведетъ ее онъ же, а у короны остается только титулъ, она тамъ вродѣ украшенія. Мнѣ кажется, господа, что если конституція въ Англіи одна, въ Германіи другая, такъ для Россіи вопросъ долженъ итти не о словахъ; она нуждается въ фактѣ — въ тѣсномъ единеніи народа съ верховной властью. До сихъ поръ бюрократія заслоняла собою верховную власть отъ народа, она, по мѣткому выраженію кн. Трубецкого, дѣйствительно обратила всю Россію „въ дортуаръ при полицейскомъ участкѣ“, она запрещала кому бы то ни было имѣть свое мнѣніе и — какъ хотите — при такихъ-то условіяхъ выработанные 6—9 ноября пункты земскаго совѣщанія — это большое дѣло! 6—9 ноября ихъ выработали, а 12 декабря вышелъ Высочайшій Указъ и оказалось, что въ этотъ Указъ цѣликомъ вошли 8 пунктовъ. Земское Совѣщаніе не было собраніемъ представителей народа, его голосъ не былъ голосомъ націи, который идетъ къ монарху, это было только эхо задушенныхъ криковъ и это эхо сказало такую правду, которую тотчасъ же признали. Это эхо сказало, въ чемъ нуждается русская жизнь. Нуждается она въ томъ, чтобы въ законодательной дѣятельности раздавался голосъ русскаго народа. Сорокъ лѣтъ назадъ уже сознали это лучшіе русскіе люди. Я напомню вамъ записку кн. Васильчикова Онъ былъ такимъ консерваторомъ, какъ дай Богъ кому угодно, кто этого хочетъ; такъ вотъ такой консерваторъ и тотъ призналъ, что наша законодательная машина плоха; всегда она плохо дѣйствовала и, въ сущности говоря, благодаря своей неподвижности, полной неприспособленности къ жизни — эту русскую жизнь только запутывала. Чтобы жить — необходимы гражданскіе законы, которые регулировали бы личныя права. У насъ на это есть пресловутый X томъ, который былъ написанъ 60 лѣтъ тому назадъ, когда жизнь была совсѣмъ не похожа на современную. Съ тѣхъ поръ она страшно усложнилась, явились новыя отношенія, новые вопросы, а въ X томѣ ничего новаго не появилось и ничего вы по этимъ вопросамъ тамъ не найдете. А люди живутъ, сталкиваются между собой, ваши права нарушаются; идете вы въ судъ искать своего права, а закона то, который помогъ бы вамъ и нѣтъ... онъ, этотъ законъ, вонъ еще когда былъ написанъ! и къ вашему случаю совсѣмъ не подходитъ. Въ X томѣ теперь есть только одни неудачные заголовки. Больше ничего нѣтъ. Поэтому устроили у насъ Сенатъ, единственный органъ, который долженъ толковать законы и приспособлять ихъ къ жизни; а толкуетъ онъ ихъ то такъ, то этакъ, и вы строите свою личную жизнь, въ сущности говоря, на основаніи никому неизвѣстныхъ законовъ. Правительство само это видѣло. Избрали въ 60-хъ годахъ Комиссію для изданія новаго гражданскаго закона. Сколько она денегъ стоила — такъ это и сказать нельзя. На эти деньги можно бы было нанять самыхъ лучшихъ юристовъ со всего міра.

(Голосъ среди гласныхъ: „Флотъ завести можно!“)

Возьмите другой вопросъ: уголовные законы. Что преступно и что непреступно? Для этого есть Уложеніе о наказаніяхъ, но что было преступно тогда, когда его сочиняли, нынче, можетъ быть, уже и не считается преступленіемъ, а вы должны всетаки судить людей по законамъ опять вонъ какого года! Уже тогда, когда издавались Судебные Уставы, Уложеніе о наказаніяхъ было признано никуда негоднымъ. Опять комиссію назначили; опять стали въ комиссіи „сидѣть“; сидѣли, сидѣли, недавно выпустили новое Уложеніе и теперь надо опять новую комиссію собирать, потому что все, что они тамъ писали опять расходится съ жизнью вдоль и поперекъ и никуда не годится. Берите теперь положеніе о крестьянахъ. Когда его издали, мужикъ ходилъ еще въ лаптяхъ, самъ на себя все дѣлалъ, жизнь его была простая; затѣмъ жизнь стала не та, и мужикъ сталъ не тотъ; пошли всякіе циркуляры, разъясненія, пятое-десятое, а загляните теперь въ юридическое положеніе массъ — вы увидите, что и у нихъ въ сущности никакого закона нѣтъ. Приходятъ къ вамъ крестьяне, говорятъ — вотъ какая исторія вышла, какъ тутъ быть? Смотришь — въ законодательствѣ ничего нѣтъ, и я лично крестьянскія дѣла просто отказывался брать. Потомъ меня это заинтересовало; можетъ быть, я безтолковый такой, не могу понять, разобраться. Обратился я къ тѣмъ, кто вершитъ всѣ эти дѣла и получилъ отвѣтъ: сами хорошенько не знаемъ, нынче этакъ разъяснятъ, а завтра совсѣмъ по другому. Вы меня простите, господа, у насъ говорятъ о томъ, что крестьяне не уважаютъ правъ, но, вѣдь, до какой деморализаціи можно довести людей при такомъ положеніи? Вѣдь, если нѣтъ самого закона, такъ, вѣдь, ясно, что и никакихъ правовыхъ воззрѣній не можетъ

быть. Вѣдь, десятки милліоновъ находятся въ анархическомъ состояніи! Въ такомъ положеніи трудно ожидать, чтобы не только въ правовомъ отношеніи, но чтобы экономически-то крестьяне были сколько нибудь развиты. Я удивляюсь, какъ нашъ крестьянинъ такимъ-то остался, каковъ онъ есть; вѣдь, тутъ можно, Богъ знаетъ, до какого положенія дойти! Законы гражданскіе, уголовное право, вся эта большая машина вотъ уже 50 лѣтъ ѣдетъ, ѣдетъ куда-то и никуда не доѣдетъ. Вѣдь, у насъ даже такіе законы, которые вводятся въ видѣ временныхъ правилъ и тѣ совершенно никуда не годятся. Возьмите хоть законы о промысловомъ налогѣ. Вѣдь, какое несложное, повидимому, дѣло: опредѣлить какъ съ кого брать, сколько брать. А выходитъ объ этомъ законъ и, оказывается, что къ жизни-то онъ и не приложимъ. Съ одного берутъ, съ другого не берутъ, почему — неизвѣстно. Каждый законъ долженъ имѣть въ своемъ основаніи руководящій принципъ. Ничего этого нѣтъ, и самъ Сенатъ находится въ такомъ же трагическомъ положеніи, какъ и вы: развернетъ законы, ничего не поймете и какъ-нибудь отпишется. Другой законъ, идущій, казалось бы, навстрѣчу самымъ послѣднимъ условіямъ жизни — о незаконныхъ дѣтяхъ. Весь онъ могъ бы быть умѣщенъ въ 10—15 статьяхъ. А вышли по этому поводу такіе законы, что ничего въ нихъ не разберешь: какихъ дѣтей можно узаконить, какихъ — нѣтъ?

Почему же все это происходитъ? Неужели всѣ должностныя лица такіе бездарные, что не могутъ ничего себѣ уяснить? Конечно, это не такъ. Есть у насъ и знающіе люди и трудолюбивые, но они поставлены въ физическую невозможность участвовать въ этой законодательной работѣ, какъ слѣдуетъ. Чтобы создать законъ для жизни, для живыхъ людей, нужно знать условія жизни, нужно ихъ понять, а, сидя въ департаментѣ, разумѣется, ничего не будешь видѣть, что дѣлается въ остальной Россіи.

Есть, господа, такое положеніе человѣческаго общества, когда писать законы легко, жизнь еще несложна, примитивна, всѣ отношенія очень просты. Для какихъ-нибудь калмыковъ, можетъ быть, и теперь не трудно сочинить законы.

Но когда жизнь усложнена, когда нарастаютъ сложныя экономическія отношенія, здѣсь одинъ человѣкъ, сидя въ департаментѣ, ничего не увидитъ; здѣсь физически неизбѣжно, чтобы пріѣхали люди съ мѣстъ и разсказали бы, что и какъ у нихъ дѣлается, чтобы они сказали: позвольте, меня этотъ законъ касается, онъ меня разоряетъ, какъ же вы безъ меня его сочиняете?

Повѣрьте, господа, это участіе въ законодательствѣ нужно совсѣмъ не въ силу какихъ-нибудь теоретическихъ соображеній, это не „либерализмъ“ или тамъ какъ хотите называйте, это неизбѣжный законъ природы. При однихъ условіяхъ нѣтъ въ этомъ потребности, а когда старыя условія мѣняются, должна быть и новая для нихъ машина, и Россія теперь стала уже въ болѣе высокую полосу цивилизаціи, гдѣ законы гораздо сложнѣе и гдѣ старый аппаратъ уже не можетъ годиться. Теперь государственная жизнь выросла. Старое платье стало узко, новое надо шить. Оставимъ громкія слова въ родѣ „конституціи“, спросимъ себя одно: можетъ ли законодательная дѣятельность развиваться безъ участія представителей народа? Мнѣ кажется, единственный, возможный на это отвѣтъ, нѣтъ, не можетъ! (Аплодисменты.)

Позвольте теперь перейти къ другому вопросу: къ участію народныхъ представителей въ утвержденіи государственнаго бюджета. Здѣсь нѣкоторые видятъ какое-то посягательство на верховныя права монарха. Извините меня, господа, это одни только слова. Какъ составляется бюджетъ Россіи, ея приходъ и расходъ? Въ разныхъ канцеляріяхъ у разныхъ начальниковъ отдѣленій пишутъ, пишутъ и, наконецъ, этотъ самый бюджетъ напишутъ. Потомъ повезутъ его на заключеніе Министра Финансовъ. Тотъ все это, въ канцеляріи сочиненное, разсмотритъ, подпишетъ и вотъ получается этакая исторія: „государственный бюджетъ“. Насъ стараются увѣрить, что бюджетъ утверждается высочайшей властью. Я этому не вѣрю — вы меня, господа, простите! Помните, когда министромъ финансовъ былъ у насъ Витте? Бывали вы въ Петербургѣ, приходилось вамъ хлопотать о тѣхъ или иныхъ мѣстныхъ нуждахъ, о средствахъ на нихъ; вамъ отказывали и всегда говорили одно и то же: что же подѣлаешь? Витте денегъ не даетъ! Я не смѣю и думать, чтобы монархъ могъ отказать въ средствахъ на несомнѣнно полезное дѣло, а вотъ Витте, тотъ можетъ, онъ „не даетъ“. Выходитъ, что бюджетъ утверждаетъ онъ. А, вѣдь, утвердить бюджетъ, это то же, что законъ подписать. Что нужно для страны, гдѣ какіе расходы слѣдуетъ произвести — это видно только тамъ, гдѣ расходуются деньги. А иначе это выходитъ тотъ же теоретическій способъ никуда непригодный, что́ и канцелярское сочиненіе

законовъ. У русскаго человѣка, можетъ быть, не явилось бы и желанія участвовать въ утвержденіи бюджета, если бы нашъ бюджетъ былъ такой, какимъ онъ былъ даже 20 лѣтъ тому назадъ. Я понимаю, что когда 4 декабря 1825 г. декабристы пожелали устроить въ Россіи новый строй, — пожелали, чтобы выборные люди ѣхали въ Петербургъ и участвовали тамъ въ утвержденіи бюджета, — провинція могла бы попенять и пожаловаться на такую выдумку.

Бюджетъ тогда былъ всего милліоновъ до 200, брали съ населенія пустякъ, и тогдашній провинціалъ могъ сказать съ нѣкоторымъ правомъ: чего я туда поѣду? Желѣзной дороги тогда не были, нужно было ломать себѣ бока, ѣхать до Питера на лошадяхъ, Богъ знаетъ откуда, а и всѣ-то статьи расхода въ этомъ бюджетѣ были, кажется, въ одной статьѣ — шли деньги на содержаніе войска.

Но, господа, теперь, когда государственный бюджетъ при благосклонномъ участіи г. Витте достигъ 2 милліардовъ, всѣ мы, и либералы, и нелибералы, чувствуемъ, что это уже не то, что было въ 1825 г. Теперь жизнь усложнилась. Если бы и теперь деньги шли только на одно войско — это куда бы еще ни шло, но теперь весь бюджетъ сталъ совсѣмъ на иную почву; правительство беретъ деньги для вашихъ же культурныхъ нуждъ, беретъ на желѣзныя дороги, на другія общекультурныя потребности, вами ясно сознаваемыя, которыя надо удовлетворять. Нужно вамъ исправить теченіе Волги, и вотъ вы видите сколько пошло денегъ на поворачиваніе этой самой Волги къ городу. Милліоны! Клали, клали эти деньги, Волга все никуда не ворочалась, наконецъ, пріѣхали, посмотрѣли, признали, что она ушла совсѣмъ въ другое мѣсто и что все, что тутъ было надѣлано, надо взорвать динамитомъ. И взорвали, исчезли всѣ эти милліоны безслѣдно. Господа, преступно ли желать, чтобы ваши выборные люди взглянули бы, какъ расходуются ваши деньги и сказали бы свое слово: эта статья расхода нужная, а вотъ эта — не нужная, тамъ надо расходовать больше, а здѣсь совсѣмъ не слѣдуетъ никакого расхода производить?

Теперь послѣдній вопросъ. По мнѣнію большинства, высказавшагося на Петербургскомъ совѣщаніи, необходимъ контроль надъ дѣйствіями министровъ. Этотъ контроль состоитъ въ томъ, что если должностное лицо совершаетъ какое-нибудь преступленіе, то объ этомъ должно быть освѣдомлено собраніе народныхъ представителей, назовите его, какъ вамъ угодно, пусть это будетъ Всероссійское Земское Собраніе; пусть тамъ говорятъ открыто: помилуйте, у насъ такой-то сдѣлалъ то-то, пусть отъ имени этого Собранія доводятъ о сдѣланномъ до свѣдѣнія монарха. Что же и это нужно считать посягательствомъ на права верховной власти? Вѣдь, это въ сущности то же самое, что вы видите даже въ Губернскомъ Земскомъ Собраніи; вы можете доводить до его свѣдѣнія о томъ или иномъ дѣйствіи станового пристава или исправника, можете на это дѣйствіе жаловаться, и если бы у всѣхъ урядниковъ была увѣренность, что никто не узнаетъ о томъ, что они дѣлаютъ, они могли бы дѣлать, Богъ знаетъ, что.

Вотъ вамъ 3 положенія, составляющія мнѣніе большинства. И все страшное кончилось. Гдѣ же, повторяю, тутъ посягательство на верховную власть?

Вѣдь, ей оставляются такія важныя прерогативы, какъ армія, право войны и мира, дипломатическія сношенія. Я думаю, она будетъ глубоко благодарна за то, что цѣлый рядъ возложенныхъ на нее же обязанностей, общество беретъ такимъ родомъ на себя. (Возгласы: Прекрасно! Великолѣпно!)

Гр. А. А. Уваровъ. Я, господа, нахожу, что то, что говорилъ намъ Ал. Михайловичъ, страдаетъ однимъ недостаткомъ: все это всѣмъ извѣстно. Пережевываются два-три общихъ мѣста. Изложены они были прекрасно, я съ этимъ совершенно согласенъ. Но что же мы будемъ всетаки предлагать верховной власти? Чего-либо конкретнаго во всемъ сказанномъ я всетаки не вижу. Кн. Васильчиковъ кончилъ свой проектъ вполнѣ конкретнымъ предложеніемъ, яснымъ и точнымъ. Наше совѣщаніе должно кончиться такимъ-же конкретнымъ предложеніемъ. Въ 11-ти пунктахъ я эту ясность вижу только въ послѣднемъ пунктѣ — 11-мъ. Тамъ прямо сказано: Государь, собери, какъ хочешь, выборныхъ людей и они укажутъ уже конкретную форму государственнаго устройства. И этимъ самымъ этотъ 11-й пунктъ упраздняетъ вашъ 10-й пунктъ. И потому нечего на немъ останавливаться. Вся суть въ 11-мъ пунктѣ: собери, какъ хочешь, представителей, чтобы они сдѣлали опредѣленныя указанія. Я это понимаю. И что они укажутъ, то и будетъ, а предрѣшить этого нельзя, потому что между мнѣніемъ большинства и меньшинства могутъ быть 24 различныхъ комбинаціи.

Н. Д. Юматовъ. Но Ваше-то личное мнѣніе въ чемъ?

Гр. А. А. Уваровъ. Въ томъ, чтобы 10-й пунктъ совсѣмъ не баллотировать. Суть въ 11-мъ. По 11-му пункту соберутся представители и укажутъ, что надо сдѣлать.

А. О. Немировскій. Для чего ихъ собирать?

А. В. Сумароковъ. Я согласенъ въ нѣкоторой части съ замѣчаніями графа Уварова. Редакція страдаетъ дѣйствительно нѣкоторой неопредѣленностью. Причина этого очень простая. 6-го ноября въ русскомъ словарѣ еще не было слова „конституція“. Говорить его было нельзя. Само собою разумѣется, нужно было потратить извѣстный талантъ на то, чтобы тщательно обходить это страшное слово. Но то, что можно возразить на редакцію 10-го пункта, страдаетъ еще большей неопредѣленностью. Говорятъ, что тутъ — посягательство на верховную власть. Но, вѣдь, фактически никакой верховной власти не существуетъ. Какъ переходныя ступени, внизъ спускается цѣлый рядъ людей, которые ее растаскиваютъ, и этотъ рядъ начинается съ высшихъ чиновъ и кончается урядниками, которые растаскиваютъ уже послѣдніе жалкіе клочки верховной власти.

Распредѣленіе взаимныхъ правъ между верховной властью и представительными учрежденіями въ Европѣ установлено закономъ и никто тамъ ни на вершокъ не выходитъ за очерченныя ему границы. У насъ же всѣ, какъ я сказалъ, растаскиваютъ верховную власть, и мы хотимъ въ строгихъ предѣлахъ закрѣпить ее, спасти отъ этого растаскиванья, а это возможно, только при водвореніи полной законности, а эта послѣдняя гарантируется только конституціей.

Н. Н. Львовъ. На это можно многое возразить. Совѣщаніе 6-го ноября совсѣмъ не для обхода неудобнаго слова высказалось такъ, какъ изложено въ 10 п., а для того, чтобы указать на сущность нашихъ пожеланій. Гр. Уваровъ упрекаетъ совѣщаніе въ неопредѣленности редакціи, въ томъ, что оно не дало полнаго проекта конституціоннаго устройства. Но это не могло быть задачей частнаго совѣщанія. Надлежало лишь намѣтить общій планъ, который и указанъ. Въ 11 пунктѣ совѣщаніе высказало, какимъ путемъ оно надѣется на совершеніе преобразованія. Гр. Уваровъ говоритъ, что послѣднимъ мы уничтожаемъ весь смыслъ 10 п., но по его словамъ, слѣдовало бы признать, что уничтожается не одинъ 10 п., но и все предшествующее. Совѣщаніе, очевидно, не предлагало правительству такой проектъ реформъ, каковой надлежало лишь исполнить, оно ограничилось, да и не могло поступить иначе, выраженіемъ цѣлаго ряда пожеланій того, чѣмъ всѣ мы переболѣли. Весь смыслъ этихъ заявленій получается постольку, поскольку они являются дѣйствительнымъ выраженіемъ желаній русскаго общества, отголоскомъ общаго мнѣнія.

Что же касается предложенныхъ въ 10 п. двухъ мнѣній, то разница заключается въ слѣдующемъ. Большинство совѣщанія признало, что отношенія между властью и народнымъ представительствомъ должны быть точно урегулированы на началахъ права, меньшинство же полагало, что эти отношенія могутъ опредѣляться на этическомъ основаніи согласія и совѣта; слѣдовательно, они предоставляли, какъ нужно думать, лишь совѣщательный голосъ народнымъ представителямъ. Если бы предположенія меньшинства осуществились въ дѣйствительности, то они привели бы не къ миру, какъ о томъ мечтаютъ, а къ раздору и столкновеніямъ. Нельзя поставить въ неопредѣленное, точно не обозначенное положеніе, народное представительство передъ властью, сказать, что мнѣніе страны можетъ быть принято или отвергнуто, смотря по желанію монарха, какъ ему заблагоразсудится, и думать, что все разрѣшится по совѣсти къ общему благу. Тутъ будутъ поставлены рядомъ двѣ силы; взаимодѣйствіе ихъ можетъ быть опредѣлено только закономъ, а на добрую волю положиться нельзя. Представьте себѣ въ самомъ дѣлѣ, что представительныя учрежденія введены. Каждый изъ васъ явился бы съ огромнымъ сознаніемъ своей отвѣтственности передъ страной, чувствовалъ бы за собой ту мощь довѣрія, которымъ его облекли. Нравственный вѣсъ представительства покоился бы на массѣ надеждъ, возлагаемыхъ русскимъ народомъ на своихъ избранниковъ. Возьмите рядомъ съ этимъ петербургское правительство, потерявшее довѣріе и даже уваженіе страны и цѣпляющееся за власть. Развѣ возможно представить этимъ двумъ величинамъ разобраться между собою по согласію? Здѣсь вспыхнутъ искры революціоннаго столкновенія и борьбы. Я стою за формулу большинства. Мы имѣемъ дѣло съ злою силою бюрократіи, безотвѣтственной и неограниченной, и ее можно одолѣть только другою силою народнаго представительства. Нужно установить законность и отвѣтственность. Но передъ кѣмъ же будутъ нести отвѣтственность министры, разъ передъ ними будетъ совѣщательное учрежденіе, лишенное дѣйствительныхъ правъ? Вотъ почему отношенія между народнымъ представитель-

ствомъ и властью должны быть, по моему мнѣнію, обоснованы на началахъ, принятыхъ большинствомъ.

В. М. Обуховъ. Я думаю, въ противоположность мнѣнію гр. Уварова, что 10-й пунктъ опредѣленно устанавливаетъ принципъ народнаго представительства; это принципъ германской конституціи. Нужно различать два типа конституцій: конституціонную монархію и парламентскую. Въ конституціонной монархіи преобладающая роль остается за монархомъ; онъ самъ назначаетъ своихъ министровъ; въ парламентской, наоборотъ, министры являются только уполномоченными палаты, и полнота власти сосредоточивается именно въ палатѣ. Они несутъ политическую отвѣтственность за свои программы. Здѣсь — въ резолюціи Совѣщанія о политической отвѣтственности совершенно не говорится; очевидно, здѣсь проводится принципъ конституціонной монархіи, гдѣ преобладающая роль принадлежитъ именно монарху. Положительная роль представителей ограничивается утвержденіемъ бюджета. Значитъ — принципъ опредѣленный. Но я не вижу никакого противорѣчія между 10 и 11 п. Дѣло въ томъ, что въ 11-мъ пунктѣ указывается только путь, какимъ должны быть осуществлены пожеланія, изложенныя въ 10 пунктѣ. Созвать свободно избранныхъ представителей и указать, что они должны сдѣлать. Т. е. въ 11 пунктѣ опредѣленно указано, какимъ образомъ долженъ быть осуществленъ 10-й пунктъ. Неопредѣленность существуетъ относительно организаціи выборной системы, и я лично считаю, что „всеобщее избирательное право“ еще не достаточный принципъ.

А. А. Павловъ. Ник. Ник. Львовъ выяснилъ, по моему, недостаточно положенія меньшинства и большинства въ совѣщаніи. Кажется, онъ хотѣлъ сказать, что меньшинство что-то такое прикрываетъ своей редакціей, не желаетъ досказывать. Я хотѣлъ бы сказать по этому поводу нѣсколько словъ. Самая идея, мысль, положенная въ основу взглядовъ меньшинства, довольно ясна, она ничего не прикрываетъ. Это совершенно опредѣленное теченіе славянофильства. Дѣйствительно, она недостаточно ясно проведена, недостаточно ясно эта славянофильская идея указана, но она была въ основѣ взглядовъ меньшинства и состоитъ въ томъ, что будущее государственное управленіе должно быть организовано на началахъ, наиболѣе подходящихъ къ національнымъ и историческимъ условіямъ русскаго народа.

Алекс. Мих. тоже, вѣроятно просто по недоразумѣнію, упустилъ изъ вида коренную разницу между мнѣніемъ меньшинства и большинства. Въ мнѣніи большинства сказано о необходимости участія народныхъ представителей „въ осуществленіи законодательной власти“, а въ мнѣніи меньшинства — „въ участіи въ законодательствѣ“. Ал. Мих. въ своей рѣчи не совсѣмъ законно, какъ сторонникъ мнѣнія большинства, говорилъ объ участіи народнаго представительства „въ законодательной дѣятельности“. Это признаетъ и меньшинство. А участіе въ законодательной власти и въ законодательной дѣятельности — это разница огромная.

А. М. Масленниковъ. Это — недоразумѣніе: Мнѣніе меньшинства совершенно неопредѣленно. Объ участіи въ законодательствѣ тамъ есть, а о правѣ утвержденія бюджета — ни слова, о контролѣ надъ министрами — тоже ни слова, я не признаю такого представительства, не понимаю, что это за сборище получится. Что они будутъ дѣлать? Соберется ихъ, этихъ представителей, со всей-то Россіи человѣкъ, можетъ быть, 600 и будутъ они сидѣть въ Петербургѣ и ждать: дадутъ имъ поглядѣть законы или нѣтъ? Дадутъ — они тогда и свое мнѣніе скажутъ. А если не дадутъ? Такъ они и разбѣгутся. Вѣдь это скандалы будутъ. Выбрали ихъ, поѣхали въ Петербургъ, сидѣли тамъ, сидѣли, пріѣхали наконецъ на побывку домой; спрашиваютъ человѣка: что же ты тамъ сидѣлъ? Да меня не спрашивали. Такъ что же ты самъ-то молчалъ? Ты бы шумѣлъ тамъ что ли! Это будетъ какое-то бунтующее учрежденіе. Онъ кричитъ, а его не слушаютъ! Такого участія въ законодательствѣ нигдѣ и не было, да и быть не можетъ. Участіе въ законодательствѣ требуетъ, разумѣется, участія въ законодательной власти. Говорятъ, что это — ограниченіе правъ монарха, а, въ сущности, это ограниченіе правъ состоитъ въ слѣдующемъ.

Выработали представители народа законъ, говорятъ: вотъ какой законъ намъ надо. Монархъ поглядѣлъ, рѣшилъ, что отъ этого будетъ государству вредъ; разъѣхались представители по домамъ; новые пріѣхали — тоже самое говорятъ; тогда станетъ очевидно, что нуженъ именно такой законъ. Это совсѣмъ не умаленіе власти. Законъ придется одобрить, потому что, если одни его желаютъ, потомъ другіе хотятъ такого же закона, значитъ онъ имъ дѣйствительно нуженъ; вѣдь они своими боками будутъ отдуваться, если законъ окажется неудаченъ. Я мнѣнія меньшинства уже потому не поддерживалъ, что я его совсѣмъ даже не понимаю.

А. О. Немировскій. По поводу сказаннаго гр. Уваровымъ я замѣчу, что я скорѣе понялъ бы, если бы намъ предложили исключить 11-й пунктъ, оставивъ 10-й, потому что несомнѣнно нужна извѣстная опредѣленность нашихъ желаній. Но исключать 10-й пунктъ, оставивъ 11-й, это значитъ свести весь вопросъ на нѣтъ, внести въ него полный туманъ, неопредѣленность. Цѣль 10 пункта — простая — опредѣлить желательныя формы представительства, и тому собранію, которое соберется для выработки этой формы, совѣщаніе и рекомендуетъ, по мнѣнію его большинства, дать представителямъ законодательную власть, по мнѣнію меньшинства — только совѣщательный голосъ.

Въ первомъ случаѣ, ни значеніе представительства, ни верховная власть не потеряетъ никакого ущерба; во второмъ случаѣ будетъ и тотъ, и другой ущербъ. Не будемъ закрывать глаза на самую сущность дѣла. Тѣ, кто говорятъ о совѣщательномъ собраніи, приводятъ въ доказательство соображенія объ историческихъ устахъ Россіи, ссылаются на славянофильскія и этическія начала и думаютъ, что они совершенно правы. Здѣсь между нами сидитъ историкъ, которому, конечно, лучше меня извѣстна историческая сторона этого вопроса; но мнѣ хочется и съ своей стороны сказать нѣсколько словъ о мнѣніи, полагающемъ будто принципъ совѣщательнаго собранія болѣе свойственъ русскому народу, а участіе въ законодательной власти ему не свойственно.

Я не буду говорить о теченіяхъ славянофильства, которыя выдвинули это положеніе, но исторія намъ указываетъ, что то, что считалось вполнѣ возможнымъ уже нѣсколько столѣтій тому назадъ при тогдашней, сравнительно односложной, простой жизни, то теперь считается почему-то уже невозможнымъ и страшнымъ. Тѣ Соборы, которые существовали у насъ раньше и которые мы считаемъ почему то учрежденіями только совѣщательными, имѣли далеко не исключительно совѣщательный характеръ и, въ сущности, дѣлали то, о чемъ говоритъ и 10-й пунктъ. Маленькій примѣръ подтвердитъ справедливость моего утвержденія. Когда на престолъ вступилъ Михаилъ Ѳедоровичъ, въ тяжкую годину нашей исторіи, онъ за свое царствованіе собралъ 12 соборовъ, и они разсматривали важнѣйшіе вопросы государственной жизни, разсматривали бюджетъ, клали свое заключеніе о томъ, вводить или не вводить тѣ или иные налоги, и не было случая, что бы царь поступилъ не такъ, какъ было постановлено соборомъ. Я иду дальше. Въ нашей исторіи мы встрѣчаемся съ фактомъ, который насъ теперь долженъ поражать. Я не помню имени того англичанина, который прибылъ съ торговыми цѣлями въ Россію черезъ Сѣверное море и хотѣлъ установить этимъ путемъ постоянныя торговыя сношенія съ Россіей. Царь, разсмотрѣвши проекты этого англичанина, отвѣтилъ ему, что ни одного изъ нихъ безъ совѣта съ выборными людьми принять нельзя. Господа, это было торговое предложеніе, нѣчто, что далеко не обнимало summa summarum нашей жизни, ея полноты, это было нѣчто, имѣвшее лишь частичное значеніе. И даже въ такомъ случаѣ нужна была санкція выборныхъ людей и безъ нея царь ничего не хотѣлъ сдѣлать самъ. Что же это было — законодательная или не законодательная власть представителей? Въ подкрѣпленіе моихъ словъ, я приведу мнѣніе проф. Сергѣевича, который отрицаетъ, что наши Соборы имѣли только совѣщательное значеніе. Если формально они не были облечены законодательными правами, то было нѣчто, что фактически давало имъ силу законодателя, что обязывало царя смотрѣть на нихъ именно такимъ образомъ и вы не укажете ни одного случая, гдѣ бы въ соборѣ царь поступилъ противъ его рѣшенія. „Царь приказалъ, бояре установили“, вотъ формула, въ которой выносились эти рѣшенія. Установители закона — бояре; царь только приказалъ ихъ исполнять. Ал. Мих. уже указалъ намъ, по поводу 10 п. — какъ лѣниво идетъ наше законодательство и какъ далеко оно отстаетъ отъ жизни. Намъ всѣмъ извѣстно, что быстро идетъ у насъ только та законодательная дѣятельность, которая имѣетъ въ виду что-нибудь запретить, преградить чему-нибудь дорогу. Къ тому, что такъ ярко иллюстрировалъ Алекс. Мих., слѣдуетъ, можетъ быть, добавить еще одинъ примѣръ. У насъ есть Высочайше утвержденные акты, которые тѣмъ не менѣе никогда не исполняются; таковъ Врачебный Уставъ; онъ законъ — но онъ нуль для нашей жизни, потому что его исполнить нельзя. Что же это за Верховная Власть, что же это за самодержавіе, которое не можетъ провести въ жизнь своихъ законовъ уже въ силу ихъ полнаго несоотвѣтствія съ жизнью?

Въ сущности, вѣдь, весь споръ идетъ не о томъ, что такъ или иначе должна быть ограничена верховная власть. Все дѣло въ борьбѣ съ бюрократическимъ началомъ, которое фактически несомнѣнно эту верховную власть ограничиваетъ. Вотъ почему, говоря о 10 пунктѣ, надо не упускать изъ вида, что въ немъ мы возбуждаемъ

вопросъ не объ ограниченіи власти, а устанавливаемъ начала, когда святость понятія самодержавія могла бы дѣйствительно войти въ сознаніе народа, и говоримъ, что это можетъ быть только тогда, когда самъ народъ будетъ участвовать въ законодательствѣ.

Если мы вспомнимъ, какъ составлялось Уложеніе царя Алексѣя Михайловича, если мы обратимъ вниманіе, какія тонкія опредѣленія, какая точность введена въ него именно благодаря участію въ этомъ дѣлѣ представителей народныхъ, мы увидимъ, что уже и въ 1648 г. нашъ народъ былъ способенъ къ такому участію, къ какому его не желаютъ считать способнымъ теперь. Оставимъ вопросъ объ ограниченіи власти совсѣмъ. Рѣшимъ одно, что безъ участія въ утвержденіи бюджета и въ законодательной власти самое представительство не имѣетъ значенія. Ибо тогда весь 10-й пунктъ становится просто немыслимъ.

А. А. Павловъ. Александръ Осиповичъ все же неправильно характеризуетъ мнѣніе меньшинства. Меньшинство указало какъ разъ на то, на что указывалъ и Ал. Ос. Немировскій. Затѣмъ, я не понимаю опасеній Алекс. Михайловича. Почему онъ представляетъ себѣ дѣло такъ, что будетъ у васъ учрежденіе изъ 600 челов., и будетъ это учрежденіе кричать, махать руками и вносить въ страну одно возмущеніе? Картина, сознаюсь, яркая, но совсѣмъ не основанная на реальныхъ данныхъ. Всѣ Соборы, собиравшіеся на Руси, руками не махали, не кричали, а подавали добрые совѣты. Почему же теперь является такое странное предположеніе, что будто бы выборные люди соберутся, а государь выйдетъ къ нимъ и скажетъ: „маршъ по домамъ!“ Алекс. Осип. Немировскій указалъ вамъ уже, какъ рѣдки были примѣры, когда государь не соглашался съ тѣмъ совѣщаніемъ, которое онъ собиралъ.

Откуда, наконецъ, Алекс. Михайл. взялъ, что въ совѣщательномъ учрежденіи будутъ именно 600 человѣкъ? Это совсѣмъ неудачный примѣръ. Это говоритъ уже о томъ, чего Совѣщаніе не касалось вовсе — объ организаціи Соборовъ. Я присоединяюсь къ мнѣнію Ал. Осип. Немировскаго, который, по моему, развилъ здѣсь именно мнѣніе меньшинства; по моему, его желательно принять, какъ выражающее исторически сложившуюся форму участія народныхъ представителей въ законодательствѣ. Короче — я за совѣщательное народное представительство.

А. П. Минхъ. Я, господа, врачъ; я не юристъ и не историкъ, поэтому я не буду говорить объ исторической сторонѣ вопроса. Я позволю себѣ высказаться, какъ человѣкъ, который живетъ съ народомъ и переноситъ вмѣстѣ съ нимъ его тяготы. Я, какъ врачъ, позволю себѣ сравнить положеніе народа съ больнымъ организмомъ. Если врачъ признаетъ, что болѣзнь эта легкая, — возможно примѣнять къ ея лѣченію палліативныя слабыя средства; но, если мы видимъ, что болѣзнь зашла слишкомъ далеко, что она становится хронической, разъѣдаетъ весь организмъ — необходимы мѣры болѣе радикальныя и рѣшительныя. Такъ долженъ поступать и общественный дѣятель. Наше положеніе я сравню съ положеніемъ организма, который тоже весь покрытъ язвами, но эти язвы были прикрыты рубищемъ. Теперь рубище это сорвалось, страшныя язвы у всѣхъ на виду — и мы должны принимать радикальныя мѣры. И я высказываюсь по отношенію къ 10 п. за мнѣніе большинства, которое болѣе рѣшительно и ясно, чѣмъ неясные взгляды меньшинства.

(Голоса: „вопросъ! вопросъ!“)

В. Н.Ознобишинъ. Позвольте и мнѣ сказать здѣсь свое слово. Я внимательно слушалъ васъ, — выслушайте и вы меня, дайте мнѣ высказаться. Не слѣдуетъ вамъ здѣсь указывать, какъ надо дѣлать. Спросите народъ. Я убѣжденъ, какъ въ томъ, что я стою на этомъ мѣстѣ, я убѣжденъ, что ни я, ни народъ новаго царя, ограниченнаго, не поймемъ. Царь — единственный авторитетъ для народа. Народъ такъ далеко стоитъ отъ закона, что единственный государственный авторитетъ для него — это имя и авторитетъ царя! Если вы подорвете этотъ принципъ, это начало, объединяющее всѣ сословія, всѣ партіи и классы — вы приведете страну къ анархіи; ничего другого изъ этого выйти не можетъ. Повторяю вамъ: вѣрно, какъ то, что я стою на этомъ мѣстѣ, что ни народъ, ни я — такого царя не поймемъ!

Н. Н. Львовъ. Владиміръ Нилычъ взялъ почему то на себя говорить отъ имени русскаго народа. Не слишкомъ ли много притязаній? Кто поистинѣ можетъ утверждать, что онъ постигъ мнѣніе русскаго народа, когда самъ народъ обреченъ на молчаніе? Если вы не можете защищать самодержавіе, какъ власть, необходимую для общаго блага Россіи, то ссылка на непререкаемыя народныя воззрѣнія — пустой и напрасный возгласъ! Была бы какая-то болѣзнь, помраченіе разума —

желать того, что влечетъ къ упадку и разложенію. Обожать самодержавіе больше Россіи, больше народнаго блага, значитъ поклоняться идолу; это не истинная вѣра, а изувѣрство. Не смѣшивайте самодержавіе съ монархической властью, — это не одно и то же; больше того, въ формахъ самодержавія монархія подвергаетъ сама себя разложенію. Самодержавіе, какъ патріархальная отеческая власть ничѣмъ неограниченнаго хозяина русской земли — есть фикція и лживый обманъ. Государь — такой же узникъ бюрократіи, какъ и весь русскій народъ. Настоящими владыками и повелителями Россіи оказываются начальники бюрократіи: Плеве, Витте, Сипягины. Я понимаю, что для Россіи нужна сильная монархическая власть, я понимаю все значеніе и весь вѣсъ историческихъ преданій, понимаю какую важность для крѣпости народнаго цѣлаго имѣетъ сохраненіе авторитета верховной власти. Но именно потому я и настаиваю на преобразованіи. Нужно высвободить монархію изъ плѣненья, сбросить тѣ путы, которыми заковано истинное дѣйствіе монархической власти на русскій народъ, необходимо поднять нравственное значеніе верховной власти. Для этого намѣчается единственный путь — народное представительство, какъ подчиненіе всѣхъ разуму и дѣйствію общаго закона. (Возгласы: „ясно! ясно!“)

С. Е. Усачевъ. Я самъ изъ народа, я отлично знаю, что думаетъ народъ! Да! надо вывести нашего государя изъ плѣна, онъ въ плѣну, онъ лишенъ власти! Народъ отлично понимаетъ это: послушайте, что онъ говоритъ теперь: онъ говоритъ, что кучка дворянъ захватила государя въ руки и не даетъ ему воли; государь скорбитъ объ этомъ, но вырваться изъ ихъ рукъ не можетъ. Вы, которые не желаете дать ему эту возможность, вы народъ лишаете лицезрѣть своего государя....

В. Н.Ознобишинъ. Дайте мнѣ возразить! Я хочу возражать!

А. О. Немировскій. Нужно ли далѣе продолжать эти пренія?...

В. Н. Знобишинъ. Позвольте мнѣ слово... я хочу...

(Шумъ. Слово, наконецъ, получаетъ А. О. Немировскій.)

А. О. Немировскій. Я не знаю, что Владиміръ Ильичъ понимаетъ подъ своими словами, что русскій народъ царя ограниченнаго не поймете. Понимаетъ ли русскій народъ царя, который издаетъ законы, а эти законы не исполняются? Понимаетъ ли онъ царя, который невольно становится отвѣтственнымъ за нежелательныя дѣйствія бюрократіи, потому что онъ дѣйствительно нравственно отвѣтственъ за эти дѣйствія при теперешнихъ условіяхъ? Русскій народъ понимаетъ такого царя, какого онъ хочетъ имѣть. И когда онъ увидитъ, что при другой организаціи государственной власти на русской землѣ водворится большая справедливость, его нужды и интересы будутъ лучше удовлетворены — тогда русскій народъ пойметъ ограниченнаго монарха. Надо замѣтить, что это ограниченіе не можетъ поколебать въ народѣ авторитетъ, присущій въ его сознаніи монархической власти. Вѣдь, всѣ законы все же будутъ утверждаться именно императорской властью; что бы ни появилось передъ народомъ изъ законодательной дѣятельности его представителей, во главѣ всего все же будетъ стоять имя монарха.

В. Н. Знобишинъ. Я долженъ опровергнуть клевету, которую на меня возвели. Это обвиненія, которыя я не могу принять. Говорятъ, что я отстаиваю бюрократію. Отстаивать самодержавіе — не значитъ отстаивать произволъ и безнаказанность администраціи. Только узкая кучка доктринеровъ можетъ думать, что говорить противъ этого произвола — значитъ ограничивать самодержавіе; я за самодержавіе, но мы всѣ противъ самодержавія министровъ. Можно возмущаться противъ самой сущности бюрократическаго строя, но краеугольнымъ камнемъ государственнаго устройства должно оставаться самодержавіе.

А. Д. Юматовъ. Угодно ли собранію присоединиться къ мнѣнію большинства, выраженному въ 10 п. Петербургскаго Совѣщанія?

(Собраніе присоединяется большинствомъ противъ двухъ голосовъ.)

А. Д. Юматовъ читаетъ 11-й пунктъ:

11. Въ виду важности и трудности внутренняго и внѣшняго состоянія, переживаемаго Россіей, частное совѣщаніе выражаетъ надежду, что верховная власть призоветъ свободно избранныхъ представителей народа, дабы при содѣйствіи ихъ вывести наше отечество на новый путь государственнаго развитія въ духѣ установленія началъ права и взаимодѣйствія государственной власти и народа.

(Голоса: „Само собою разумѣется!“ „Никакого вопроса!“ „Не надо преній!“)

А. О. Немировскій. Это особенно необходимо...

(Собраніе единогласно принимаетъ 11-й п.)

А. Д. Юматовъ. Такимъ образомъ, здѣсь приняты всѣ 11 пунктовъ съ нѣкоторыми поправками. Но какъ же мы будемъ проводить эти поправки на Собраніи?

М. С. Ермолаевъ. Нѣсколько гласныхъ вносятъ предложеніе, въ какой формѣ земское собраніе могло бы выразить...

(Шумъ. Голоса: „завтра! завтра!“ „Выслушайте!“ „завтра!“)

Н. Д. Михайловъ. Неужели мы пройдемъ молчаніемъ Указъ 12-го декабря?

А. О. Немировскій. Надо имѣть въ виду, что предначертанія Указа передаются въ Комитетъ Министровъ, причемъ не предрѣшается, какимъ путемъ эти предначертанія должны быть осуществлены. Мы видимъ, что Комитетъ Министровъ хочетъ итти тѣмъ же бюрократическимъ путемъ. Даже въ вопросѣ о расширеніи правъ самоуправленія не предрѣшено участіе представителей этого самоуправленія въ его разработкѣ. Проектъ будетъ выработанъ въ канцеляріяхъ и его хотятъ только разослать для заключеній по нему. Это тотъ же самый бюрократическій путь. Вся бѣда въ томъ, что при этомъ Указъ становится просто невыполнимымъ. Ничего изъ этого выйти не можетъ. Когда разрабатывалось новое городовое положеніе Петербурга, государь счелъ возможнымъ обойтись безъ городскихъ представителей потому, что министръ внутреннихъ дѣлъ заявилъ, что Петербургъ слишкомъ долго ждалъ новаго положенія и что его надо ввести скорѣе. Насколько введенный законъ хорошъ, можно видѣть изъ того, что уже черезъ годъ его пришлось пересмотрѣть. Это было мертворожденное дитя. Повторяю, если предуказанія 12-го декабря пойдутъ этимъ же путемъ — ничего ждать нельзя. Теперь особенно необходимо указать, что способъ выполненія Указа 12-го декабря не долженъ быть такимъ, къ какимъ обыкновенно прибѣгаютъ. И такъ какъ этотъ способъ зависитъ отчасти отъ Комитета Министровъ, то и направить наши желанія надо въ Комитетъ.

Я указалъ бы при этомъ на то, что при томъ способѣ, на какомъ теперь остановились, воля государя не выполняется.

П. С. Иконниковъ. Я еще разъ указываю, что если бы мы приняли безъ поправокъ, можно было бы на собраніи сказать, что, заслушавши докладъ г. предсѣдателя управы, мы приняли всѣ положенія, выработанныя на Совѣщаніи. Это пройдетъ. Предсѣдатель допуститъ.

Гр. А. А. Уваровъ. Я глубоко убѣжденъ, что если вы ограничитесь посылкой бумаги въ Комитетъ Министровъ — это будетъ только пустая отписка, простое увеличеніе канцелярской переписки. Сергѣй Юльевичъ прикажетъ подшить вашу бумагу — и этимъ все кончится. Я противъ посылки бумаги и къ министру внутреннихъ дѣлъ. Мы не знаемъ, кто онъ такой; знаемъ только, что это слабохарактерный, нерѣшительный человѣкъ и больше ничего. Что же выйдетъ изъ этой посылки? Если вы желаете посылать, — вы можете послать только Его Величеству, а ужъ никакъ не Сергѣю Юльевичу Витте. Я его терпѣть не могу! Это главное зло, онъ хуже всякаго японца, а вы будете обращаться къ нему съ своими пожеланіями и указаніями.

(Засѣданіе объявляется оконченнымъ до утра слѣдующаго дня.)

Утро 10-го января.

Гласные собрались въ томъ же составѣ.

А. Д. Юматовъ. Я считаю необходимымъ доложить, что вчера мы не успѣли еще разсмотрѣть слѣдующихъ постановленій Совѣщанія. Эти послѣднія постановленія касаются положенія народнаго образованія и мѣръ усиленной охраны. Редактированы они слѣдующимъ образомъ:

„Несоотвѣтствующее потребностямъ страны положеніе народнаго образованія во всѣхъ его отрасляхъ и степеняхъ, по мнѣнію совѣщанія, объясняется стоящимъ въ связи съ обще-бюрократической системой отрицательнымъ отношеніемъ правительственныхъ сферъ къ мысли о пользѣ и значеніи всесторонняго умственнаго развитія народа для правильнаго теченія общественной и государственной жизни.

„Широкое развитіе умственныхъ силъ страны необходимо требуетъ полнаго устраненія преградъ и стѣсненій, которыми нынѣ обставлено дѣло народнаго образованія.

„Совѣщаніе высказываетъ пожеланіе, чтобы на предстоящихъ очередныхъ губернскихъ земскихъ собраніяхъ былъ подвергнутъ всестороннему разсмотрѣнію вопросъ о положеніи дѣла народнаго образованія на мѣстахъ.

„Совѣщаніе, полагая, что положеніе о мѣрахъ къ охраненію государственнаго

порядка и общественнаго спокойствія 14-го августа 1881 г. является однимъ изъ главныхъ условій, создающихъ почву для административнаго произвола и общественнаго неудовольствія и тѣмъ препятствующихъ взаимному довѣрію и единенію правительства и населенія, признаетъ желательною немедленную отмѣну названнаго положенія. Кромѣ того, имѣя въ виду, что основанная на вышеупомянутомъ положеніи система административной репрессіи, примѣнявшаяся въ послѣднее время съ особенной силой, имѣла своимъ послѣдствіемъ множество жертвъ административнаго произвола, подвергшихся различнымъ карамъ и ограниченіямъ правъ, — совѣщаніе считаетъ долгомъ высказаться за необходимость полнаго освобожденія ихъ отъ всѣхъ взысканій, наложенныхъ въ административномъ порядкѣ. Вмѣстѣ съ симъ совѣщаніе выражаетъ надежду, что актомъ помилованія по отношенію къ лицамъ, подвергшимся наказаніямъ по политическимъ дѣламъ, верховная власть внесетъ въ страну умиротвореніе."

Не угодно ли высказаться по этому поводу?

Гр. А. А. Уваровъ. Всецѣло присоединяюсь.

М. С. Ермолаевъ. Я предложилъ бы маленькую поправку. Здѣсь говорится объ амнистіи по политическимъ дѣламъ, конченнымъ въ административномъ порядкѣ, надо добавить „и по суду", потому что и тѣ, и другіе обвиненные одинаково должны быть амнистированы. (Голосъ: „Это 2-й частью предусмотрѣно.")

(Собраніе принимаетъ единогласно дополнительные пункты совѣщанія.)

А. Д. Юматовъ. Намъ надо сдѣлать еще одно постановленіе. Послѣ Нижегородскаго съѣзда, который былъ созванъ земскимъ бюро, нѣсколько лѣтъ никакихъ съѣздовъ не было. На послѣднее совѣщаніе приглашались кромѣ предсѣдателей также и тѣ, кто былъ на предыдущемъ совѣщаніи, и нѣкоторые выражали неудовольствіе по поводу того, что одинъ былъ приглашенъ, а другой нѣтъ. Во избѣжаніе этого нежелательнаго явленія, чтобы отвести отъ бюро нареканіе въ искусственномъ подборѣ состава съѣздовъ, бюро предлагаетъ на земскихъ собраніяхъ или въ частныхъ совѣщаніяхъ уполномочить по 4 лица, которыя явились бы полномочными представителями земствъ на эти поѣздки. Я получилъ письмо отъ предсѣдателя Московской губернской управы съ просьбой передать это предложеніе собранію, а если это будетъ невозможно, то хотя бы на частное совѣщаніе гласныхъ. Поэтому я прошу намѣтить лицъ, которыхъ вы желали бы видѣть своими представителями. На петербургское совѣщаніе я ѣздилъ по должности предсѣдателя, затѣмъ тамъ были Ник. Ник. Львовъ, Александръ Мих. Масленниковъ, Сергѣй Андр. Котляревскій, затѣмъ Константинъ Борис. Веселовскій. Онъ былъ допущенъ потому, что былъ тогда на Нижегородскомъ съѣздѣ. Я просилъ бы...

А. А. Павловъ. Вы слегка забыли меня...

А. Д. Юматовъ. Виноватъ! Извиняюсь, дѣйствительно былъ еще Алексѣй Алекс. Павловъ. Онъ тоже былъ на съѣздѣ 1903 г. и потому былъ принятъ на это совѣщаніе.

Гр. А. А. Уваровъ. Я думаю, что этотъ вопросъ долженъ быть рѣшенъ въ земскомъ собраніи и прошу рѣшать его закрытой баллотировкой.

Гриммъ. Я не буду спорить, гдѣ выбирать этихъ лицъ, здѣсь или въ земскомъ собраніи; это безразлично; все земское собраніе здѣсь; но порядокъ долженъ быть непремѣнно одинъ: сначала по запискамъ и потомъ получившихъ большинство баллотировать закрытой баллотировкой.

Б. А. Араповъ. Выбирать въ земскомъ собраніи едва ли будетъ возможно. Врядъ ли допустятъ эти выборы.

А. А. Павловъ. Конечно, при такой формулировкѣ выборы на земскомъ собраніи будутъ невозможны, но можно, тѣмъ не менѣе, провести ихъ тамъ и подъ другимъ видомъ. Вѣдь мы знаемъ, что неоднократно вызываются въ Петербургъ въ качествѣ свѣдущихъ людей мѣстные люди изъ гласныхъ. Не предрѣшая вопроса, для какого совѣщанія, въ общей формѣ можно было бы произвести выборы и въ губернскомъ собраніи, мотивируя ихъ тѣмъ, что выбираются люди на случай вызова въ какое бы то ни было совѣщаніе.

Гриммъ. Разъ мнѣ заявляютъ, что на губернскомъ земскомъ собраніи эти лица выбраны не могутъ быть, тогда нужно произвести выборы здѣсь, но выборы прямо въ бюро, а не подъ какимъ-нибудь другимъ соусомъ.

Б. А. Араповъ. Да, вѣдь, чѣмъ же мы отличаемся отъ губернскаго земскаго собранія? Не всѣ ли мы здѣсь до одного? Почему мы не можемъ открыто, по запискамъ, выбрать этихъ лицъ, а потомъ можно принести ящикъ и пробаллотировать. (Голосъ: „Не всѣ здѣсь; нѣкоторыхъ нѣтъ.")

П. Иконниковъ. Съ какой стати выбирать лицъ для всѣхъ комиссій? Они съ тѣмъ, для чего намъ надо выбрать людей, могутъ ничего общаго не имѣть. Комиссіи бываютъ безобразныя . . .

С. А. Котляревскій. Нельзя не признать, конечно, что постановленіе земскаго собранія имѣетъ бо́льшій вѣсъ и значеніе. Для чего же хотѣло бюро, чтобы были выбраны на эти съѣзды уполномоченныя лица? Для того, чтобы избѣжать нареканій въ томъ, что на съѣзды являются лица, не получившія санкціи земскихъ собраній. Здѣсь въ настоящую минуту еще не всѣ гласные, и еслибы мы выбрали своихъ уполномоченныхъ въ Собраніе, тогда не могли бы уже говорить объ искусственномъ подборѣ. Конечно, это зависитъ отъ разрѣшенія предсѣдателя.

Б. А. Араповъ. Да, вѣдь, насъ просятъ сдѣлать этотъ выборъ хотя бы на частномъ совѣщаніи. Значитъ — не все ли равно?

А. А. Павловъ. Несомнѣнно это надо понимать только въ одномъ смыслѣ: если нельзя на земскомъ собраніи; но желательно именно на земскомъ собраніи. Вѣдь уже были нареканія.

Гр. А. А. Уваровъ. Я не понимаю Бориса Александровича. Какъ можно сравнивать частное совѣщаніе съ губернскимъ земскимъ собраніемъ? Я не говорю о числѣ гласныхъ, присутствующихъ тамъ и тутъ, но совсѣмъ съ другимъ чувствомъ встрѣчаете вы свое избраніе, если оно происходитъ именно въ земскомъ собраніи, чѣмъ если вы выбраны на частномъ совѣщаніи. Поэтому, конечно, лучше произвести на земскомъ собраніи. Мнѣ думается, что прибѣгать къ пріемамъ, которые намъ предлагаетъ Ал. Ал. Павловъ, совершенно не нужно. Выберемъ просто четырехъ гласныхъ, не говоря, зачѣмъ мы ихъ выбираемъ. А если губернаторъ опротестуетъ наше постановленіе, мы поступимъ съ его протестомъ такъ же, какъ со всякимъ другимъ протестомъ поступимъ. Намъ совершенно все равно. Пусть протестуетъ. Хотя, собственно, противъ чего онъ будетъ протестовать?

В. М. Обуховъ. Въ этомъ несомнѣнно есть большое значеніе, и надо добиваться, чтобы этотъ вопросъ былъ поставленъ именно на земскомъ собраніи и гласные были бы пробаллотированы.

С. А. Унковскій. Конечно, произвести выборына земскомъ собраніи лучше, но я противъ того, что предлагаетъ Александръ Алексѣевичъ. Никакихъ соусовъ не надо. Я думаю, намъ надо постановить наоборотъ, что нежелательно, чтобы кто-нибудь ѣздилъ по вызову въ какую бы то ни было комиссію.

М. С. Ермолаевъ. Я хотѣлъ бы, чтобы этотъ вопросъ стоялъ ясно. Бюро организовалось не выборное, оно само себя установило. Но надо, чтобы при съѣздахъ оно приглашало уже только выборныхъ для этого лицъ. И я присоединяюсь къ тому, чтобы на земскомъ собраніи совершенно открыто было постановлено, что лица эти выбираются для участія въ тѣхъ земскихъ совѣщаніяхъ, которыя въ Россіи уже получили право гражданства и которыя имѣютъ быть въ будущемъ; чтобы цѣль этого избранія была занесена въ протоколъ.

Н. Ружичко-де-Розенвертъ. У насъ есть счастливый прецедентъ, указывающій на полную возможность такого способа. Мы выбрали Ник. Николаевича въ общеземскую организацію по востоку; это постановленіе было опротестовано, но потомъ обстоятельства измѣнились, и выборы наши оказались въ силѣ.

К. Роговскій. Оффиціальные выборы въ земскомъ собраніи имѣютъ, конечно, бо́льшій вѣсъ, но неувѣренность въ томъ, что можно будетъ провести ихъ, заставляетъ сдѣлать выборы здѣсь; не слѣдуетъ отъ этого воздерживаться, потому что наше совѣщаніе повторяетъ почти въ полномъ составѣ земское собраніе; а если представится возможность, то на собраніи мы только оформимъ уже произведенные выборы.

Гриммъ. Я согласенъ. Для меня безразлично, здѣсь или въ губернскомъ собраніи, но чтобы это было подъ настоящимъ соусомъ.

А. М. Масленниковъ. Выборы въ комиссію не будутъ утверждаться, но, вѣдь, выбраны лица всетаки будутъ; это все равно; вѣдь и съѣздъ возможно, что не будетъ утвержденнымъ.

С. А. Унковскій. Я думаю, можно такимъ образомъ сдѣлать. Мы можемъ возбудить ходатайство, чтобы такіе съѣзды были узаконены, и произвести выборы нашихъ представителей на эти съѣзды. Пускай наше постановленіе будетъ опротестовано. Оно все же состоится, и выборы не могутъ не быть допущены, потому что ходатайствовать мы можемъ, о чемъ угодно.

В. М. Обуховъ. Я высказываюсь за то, что выборы нужно произвести въ собраніи, а если не удастся, то мы потомъ опять соберемся комиссіей и произведемъ выборы въ ней.

Н. Ружичко-де-Розенвертъ. Сегодня этого сдѣлать нельзя будетъ. Гласные объ этомъ не предупреждены.

А. Д. Юматовъ. Какъ же вамъ угодно? Сейчасъ приступить къ выборамъ, или отложить ихъ до собранія, и если будетъ нельзя произвести ихъ тамъ, тогда соберемся опять комиссіей?

М. С. Ермолаевъ. Есть болѣе серьезныя дѣла, съ которыми необходимо кончить. Выборы отложимъ.

(Собраніе постановило: выборы отложить до собранія.)

К. Б. Веселовскій. Нѣкоторая часть гласныхъ выработала такой проектъ выраженія Собраніемъ своихъ пожеланій (читаетъ):

Саратовское Губернское Земское Собраніе, въ засѣданіи 10 января, заслушавъ докладъ о происходившемъ 6—9 ноября 1904 г. въ С.-Петербургѣ Совѣщаніи земскихъ дѣятелей, постановило:

1. Одобрить образъ дѣйствія Предсѣдателя Губернской управы, какъ одного изъ участниковъ съѣзда и какъ выразителя желаній, вполнѣ согласныхъ съ общимъ мнѣніемъ Саратовскаго Земства.

2. Присоединиться къ мнѣнію земскихъ дѣятелей, выраженному въ постановленіи 6—9 ноября, съ добавленіемъ лишь къ 6-му пункту словъ „свободы науки и ея преподаванія и свободы стачекъ“.

3. Выразить глубокое убѣжденіе, что великія начала, возвѣщенныя Высочайшимъ Указомъ 12 декабря — общій для всѣхъ правопорядокъ и законность — не могуть быть проведены въ жизнь бюрократическимъ путемъ, и наше настоятельное желаніе, чтобы Правительство обратилось къ творческимъ силамъ страны въ лицѣ ея свободно избранныхъ представителей.

Лишь постоянное и правильное народное представительство на основѣ всеобщаго избирательнаго права, дастъ странѣ столь необходимый ей внутренній миръ и возможность развить всѣ великія духовныя и матеріальныя силы народа.

4. Просить г. саратовскаго губернскаго предводителя дворянства, какъ имѣющаго право личнаго предстательства передъ Государемъ Императоромъ, не отказать доложить Его Величеству, что Саратовское Губернское Земское Собраніе, раздѣляя вполнѣ вышеуказанныя мнѣнія, считаетъ, что путь внутреннихъ преобразованій, намѣченный земскими дѣятелями, есть единственно вѣрный и единственно спасительный исходъ изъ бѣдствій, переживаемыхъ нашей родиной.

Ослабленіе матеріальныхъ средствъ русскаго народа, оскудѣніе народнаго духа, его творческихъ силъ, благодаря всепоглощающей опекѣ бюрократической власти, должно неизбѣжно привести къ крушенію самыхъ устоевъ государства. Подобно царству, раздѣлившемуся внутри себя, Россія клонится къ неминуемому упадку.

Мы просимъ г. губернскаго предводителя дворянства склонить вниманіе Государя Императора къ голосу земскихъ людей, увѣрить, что нами руководитъ не что другое, какъ пламенное чувство любви къ родинѣ; мы ничего не хотимъ для себя, а все для Россіи.

Не смуту мы создаемъ, а ищемъ, со всѣмъ сознаніемъ важности происходящихъ событій и со всею добросовѣстностью, счастливаго выхода изъ тягостнаго состоянія нашего отечества.

(Аплодисменты.)

С. П. Корбутовскій. Во вчерашнемъ засѣданіи я уже говорилъ вамъ, господа, что не раздѣляю нѣкоторыхъ взглядовъ нашего совѣщанія; но я чувствую себя совершенно больнымъ и не могу участвовать въ собраніи. Позвольте мнѣ прочесть вамъ мое особое мнѣніе. Я смотрю на все это дѣло такъ: самыя основанія, къ которымъ пришло наше совѣщаніе, неправильны. Я прошу васъ меня выслушать. (Читаетъ.)

„На вчерашнемъ засѣданіи избранной Губернскимъ Земскимъ Собраніемъ комиссіи для разсмотрѣнія общихъ вопросовъ былъ выработанъ большинствомъ комиссіи способъ разработки вышепоименованныхъ вопросовъ.

„Признавая полную цѣлесообразность бывшаго въ ноябрѣ мѣсяцѣ съѣзда предсѣдателей Управъ и земскихъ дѣятелей по вопросамъ общаго характера, затрагивающимъ значительную часть коренныхъ сторонъ государственнаго неустройства, я тѣмъ не менѣе не считаю возможнымъ основать своего рѣшенія на положеніяхъ, этимъ совѣщаніемъ выработанныхъ, а считаю необходимымъ поставить въ основаніе сужденія Высочайше обнародованный указъ 12 декабря.

„Включая въ свои 8 пунктовъ указанія на многообразныя преобразованія государственнаго переустройства, изъ коихъ вопросы: о расширеніи правъ общественныхъ учрежденій, дарованіи имъ самостоятельности и введеніи мелкой земской единицы, являются насущнѣйшими потребностями народа русскаго, Государевъ Указъ Сенату возбуждаетъ во мнѣ лишь желаніе просить Государя, чтобы для проведенія въ жизнь Его предначертаній были бы прежде всего привлечены общественныя силы страны.

„Это соображеніе, однако, не можетъ быть облечено въ форму постановленія, такъ какъ таковое явилось бы незаконнымъ, а то же положеніе, изложенное въ формѣ всеподданнѣйшаго адреса, оказало бы земству великую пользу.“

Гр. А. А. Уваровъ. Но вы согласны съ нашей резолюціей?

Н. Н. Львовъ. Вы согласны съ нами!

С. П. Корбутовскій. Да, но у насъ разница въ исходной точкѣ. Я считаю, что въ основу долженъ быть положенъ Указъ 12 декабря.

А. Д. Юматовъ. Угодно ли принять прочитанную сейчасъ Константиномъ Борисовичемъ редакцію?

Мотовиловъ. По моему мнѣнію, мы не должны говорить объ „оскудѣніи народнаго духа“. Духомъ народъ не оскудѣвалъ; духъ его подавленъ; это будетъ точнѣе.

Кн. Голицынъ. Хотя я и согласенъ съ этой редакціей, но я думаю, господа, что мы своими пожеланіями приходимъ на помощь не только Россіи, но и на помощь самому Государю; а здѣсь ни однимъ словомъ не указано, что мы входимъ въ Его тяжелое положеніе; какъ будто мы его отстраняемъ, игнорируемъ.

П. С. Иконниковъ. Да, это вѣрно.

(Гриммъ, Михайловъ, Павловъ и нѣкоторые другіе гласные высказываютъ такія же замѣчанія.)

Гриммъ. Вѣдь, и рѣчь Николая Николаевича говорила намъ о томъ, что мы хотимъ поддержать монархію.

Н. Д. Михайловъ. Вотъ тамъ, гдѣ говорится о пламенной любви къ Россіи, тамъ и можно ввести это дополненіе.

Н. Ружичко де-Розенвертъ. Заключительнымъ аккордомъ! Пусть это будетъ заключительный аккордъ!

(Гласные совѣщаются около стола г. Предсѣдателя по поводу измѣненія редакціи.)

А. Д. Юматовъ. Господа, не угодно ли будетъ принять въ такомъ видѣ?

Н. Н. Львовъ (читаетъ): „Нами руководитъ ни что другое, какъ преданность Государю и искреннее, пламенное чувство любви къ родинѣ.“ (Возгласы: прекрасно!)

Гр. А. Д. Нессельроде. Я не имѣю ничего противъ этого, если съ этимъ согласится большинство; но я полагаю, тѣ изъ насъ, которые выразили свои чувства въ прочитанной ранѣе редакціи, сливали въ одно понятіе родины и понятіе царя...

Н. Д. Михайловъ. У меня въ головѣ все стоитъ чудная рѣчь Николая Николаевича, который говорилъ, что развитіе страны возможно лишь при сильной монархіи!

В. М. Обуховъ. Господа, тамъ сказано: „всеобщее избирательное право“, но не упомянуто, что „при тайной“ подачѣ голосовъ. Я прошу включить это добавленіе.

(Голоса: это подробность!)

Я предупреждаю, что не могу иначе подписать резолюцію, по своимъ убѣжденіямъ.

(Баллотируется прочитанная ранѣе редакція съ добавленіемъ словъ „искренняя преданность Государю“ и безъ словъ „тайная подача голосовъ“.)

(Собраніе принимаетъ ее большинствомъ противъ 2 голосовъ.)

А. М. Масленниковъ. Я не понимаю, почему отвергнуто предложеніе В. М. Обухова? Это — большая гарантія. Открытая подача голосовъ, это уже совсѣмъ не то, она не обезпечиваетъ интересы народа. Если вы нашли нужнымъ ввести свободу науки и стачекъ, тѣмъ болѣе нужно ввести пожеланіе именно тайной по-

дачи голосовъ. Открытая подача можетъ привести, Богъ знаетъ, къ чему. И развѣ такъ трудно вписать одно слово? Не понимаю!

Гриммъ. Такъ конца не будетъ!

А. Д. Юматовъ. Вопросъ этотъ, разумѣется, важный. Лучше на немъ остановиться.

В. Д. Юматовъ. Кажется, самое постановленіе можно оставить въ силѣ, а также какъ мы прибавили уже къ 6-му пункту, такъ теперь прибавимъ къ 10-му: „безусловно необходимо правильное участіе народнаго представительства на основѣ всеобщаго, равнаго, прямого избирательнаго права съ тайной подачей голосовъ".

Унковскій. Если мы не помѣстимъ этого дополненія „съ тайной подачей", мы будемъ не точны. Потому что способъ подачи можетъ быть разный.

Н. Н. Львовъ. Этотъ текстъ былъ выработанъ вполнѣ ясно. Я считаю, что ничего не слѣдуетъ къ нему прибавить. Если мы будемъ говорить здѣсь о тайной и равной подачѣ голосовъ, это не будетъ убѣжденіемъ всѣхъ присутствующихъ, и наше постановленіе не будетъ дѣйствительно сознательнымъ постановленіемъ. Многимъ далеко еще не ясенъ вопросъ, какая подача голосовъ должна быть. Такое постановленіе провозгласило бы догмы, за которыя сами постановившіе его не стояли бы съ полной опредѣленностью. То, что дается этимъ пунктомъ, совершенно достаточно.

В. М. Обуховъ. Господа, это еще вопросъ, что лучше: цензовая конституція или всеобщее избирательное право съ открытой подачей голосовъ! При открытой подачѣ голосовъ вы можете создать такую банду, которая будетъ вершить результаты выборовъ, и я вамъ прямо говорю: эта прибавка о „тайной" подачѣ не пустякъ, а существенное право народа; также нужно прибавить слово „равное", потому что вы можете забрать себѣ по 20 голосовъ, а простому народу дадите по 1. И „прямая"! Пусть голосуютъ здѣсь эти добавленія! Тогда будетъ видно, стоите ли вы за права народа или нѣтъ.

Повторяю, если не будутъ включены эти добавленія, я не подпишусь. За народъ вы, или противъ народа?

А. М. Масленниковъ. Я за свободу, право и законность для народа и болѣе ни для кого! Не забывайте, что мы даемъ основанія для жизни народа. Кто болѣе всѣхъ обложенъ? Кто разоренъ! Это — народъ. Мы сами не такъ еще въ этомъ заинтересованы, потому что мы, слава Господу, сыты, намъ многое дается и такъ... Для народа же это — все! Можетъ быть кровь народа, которая течетъ въ моихъ жилахъ, говоритъ мнѣ все это, но я — за народъ, я хочу на него работать! И когда вы предлагаете мнѣ эту неясную формулу, я считаю своей обязанностью выставить ея неясность и сказать свое слово. Открытая подача голосовъ, можетъ быть, создастъ только новый гнетъ для народа. Что же, вы хотите этого новаго гнета, чтобы собирали народъ и говорили ему: голосуй за того-то или за того-то? Почему же вы не хотите прибавить это условіе — „тайную" подачу голосовъ? Подача голосовъ должна быть и равная; если у одного будетъ 10 голосовъ, у другого — одинъ, гдѣ же тогда это равенство, свобода, право? За что мы все время воевали? За привиллегіи кучки людей, за тѣхъ, кто владѣетъ большимъ капиталомъ? Вы создадите гнетъ буржуазіи и этотъ гнетъ будетъ таковъ, что можетъ быть нынѣшній окажется не хуже его. Почему эти ясныя слова, которыя созданы страданіемъ народа, вызываютъ возраженія? Или мы не хотимъ для него того же, что цѣнно для насъ?

М. С. Ермолаевъ. Если мы рѣшили включить въ нашу резолюцію народное представительство и всеобщую подачу голосовъ, надо намъ указать и на то, какая подача должна быть. Совершенно вѣрно, что всеобщее избирательное право при открытой подачѣ голосовъ можетъ сыграть худшую роль, чѣмъ ограничительное избирательное право, и это положеніе вещей можетъ укрѣпиться очень на долго. Я не понимаю, какъ можно говорить, что у насъ нѣтъ сознательнаго отношенія къ этому. Разъ мы говорили о всеобщей подачѣ голосовъ, надо, конечно, выяснить себѣ, и какая это будетъ подача. Различіе въ способѣ подачи голосовъ очень важная вещь. При открытой подачѣ могутъ сыграть большую роль темныя силы. Поэтому съ самаго начала мы должны ставить вопросъ вѣрно. Бюрократія еще сильна и нельзя давать ей возможность найти другіе ходы для сохраненія своей власти, и одно изъ средствъ къ этому, это именно равное, прямое избирательное право съ тайной подачей голосовъ.

Н. Н. Львовъ. Меня удивляетъ патетическій тонъ Алексѣя Михайловича. Онъ хочетъ выставить себя борцомъ за народныя права; надѣюсь, онъ не хочетъ этимъ сказать, что другіе не стоятъ за эти права. Излишне было бы возражать

на такое предположеніе. Для насъ одинаково дороги интересы русскаго народа. Меня удивляетъ еще одно. Отчего онъ, если онъ взялся защищать народные интересы, не заявлялъ и не настаивалъ на необходимости ввести слова „тайная“ подача тамъ — на Совѣщаніи? Тамъ это было обойдено. Тамъ мы говорили о всеобщемъ избирательномъ правѣ и думали, что если бы это постановленіе вошло въ жизнь, — это было бы огромнымъ пріобрѣтеніемъ. Я не говорю о томъ, что, разумѣется, разъ это общее положеніе есть — придется развивать его и выяснять подробности. Но я не понимаю, отчего настаиваютъ на „тайной“ подачѣ голосовъ, какъ на единственномъ способѣ защиты народныхъ правъ; въ вопросѣ о тайной подачѣ голосовъ — могутъ быть сомнѣнія. Напримѣръ, какъ вы проведете тайную подачу при огромномъ процентѣ безграмотныхъ въ нашемъ населеніи? Я думаю, что если мы скажемъ — всеобщее избирательное право, мы скажемъ очень много, и скажемъ при томъ то, что мы сознали. Я думаю, что должно быть закрѣплено то, что есть; не надо итти въ детализированіе вопроса. Иначе мы впадаемъ въ догматизмъ и наши пожеланія будутъ только догматами, а догматы — спорны.

Отчего тогда не писать всей конституціи, отчего не опредѣлить также отношеній между министрами и парламентомъ? Мы, однако, не дѣлаемъ этого.

Если мы это скажемъ — это не будетъ дѣйствительно наша мысль. Мы можемъ намѣтить только линію, по которой мы можемъ и должны итти. Обострить этотъ вопросъ — значитъ вырвать собраніе съ прочной почвы, сорвать его политическими возгласами.

Если мы что включаемъ въ наши постановленія — это должно быть нашимъ полнымъ убѣжденіемъ; отъ чего мы не отступимся.

Гр. А. А. Уваровъ. Я не понимаю, почему Ал. Мих. беретъ на себя смѣлость утверждать, что онъ въ бо́льшей мѣрѣ является здѣсь представителемъ народа, чѣмъ каждый изъ насъ. Я такой же представитель народа, какъ и вы, просто потому, что ни меня, ни васъ народъ не выбиралъ. А когда онъ будетъ выбирать своихъ представителей, мы еще посмотримъ, кого онъ выберетъ — васъ или меня! И я не понимаю, почему въ тайной подачѣ голосовъ видятъ здѣсь какую-то панацею? Во Франціи существуетъ тайная подача голосовъ и тамъ дѣлается при ней то, о чемъ вы и не думаете. Тамъ впередъ приготовляются чужими руками записки и пользуются безграмотностью массъ, какъ угодно. Тайная подача голосовъ рѣшительно ничего не спасетъ. Это пустое слово, теорія. Правильно будетъ ограничиться тѣмъ, на чемъ остановился и съѣздъ. Я возвращаю вамъ вашъ упрекъ, Ал. Мих.! Не надо детализировать этотъ вопросъ.

К. Б. Веселовскій. Я буду кратокъ. Возраженія противъ тайной подачи голосовъ сдѣланы только гр. Уваровымъ. Ник. Ник. противъ этого способа голосованія не возражаетъ; онъ находитъ только, что это преждевременное детализированіе. Я думаю, что Нпк. Ник. просто не прочувствовалъ этотъ вопросъ; иначе ему было бы также ясно, что это далеко не пустой звукъ. Объ этомъ можно судить потому, какъ относятся люди, какъ относимся мы сами — къ баллотировкѣ. Я убѣжденъ, что тайная подача голосовъ — это насущная необходимость ближайшаго же будущаго. А упрекъ Масленникову, отчего онъ на съѣздѣ не поднималъ и не отстаивалъ этого вопроса, можетъ быть обращенъ съ такимъ же правомъ и ко мнѣ. Я долженъ сказать на это, что событія идутъ съ такой быстротой, что мы не можемъ знать даже того, что будетъ завтра. Теперь мы видимъ, что уже самъ народъ властно требуетъ участія въ законодательствѣ. И мнѣ кажется странно закрывать ему дорогу къ этому участію. А системой открытой подачи, не прямого, не равнаго избирательнаго права — эта дорога закроется.

Н. Н. Львовъ. Мы не отвергаемъ системы тайной подачи.

Гр. А. Д. Нессельроде. Я безъ всякихъ патетическихъ восклицаній хочу сказать по этому поводу нѣсколько словъ. И я также, какъ графъ Уваровъ — мы не являемся представителями народа, особенно для Вольскаго уѣзда; потому мы можемъ высказывать только наше личное мнѣніе. Возраженія, которыя были сдѣланы Николаемъ Николаевичемъ и гр. Уваровымъ, упрекъ въ догматизмѣ тѣмъ, кто поддерживаетъ мнѣніе о необходимости включить слово „тайная“ подача голосовъ, не совершенно вѣренъ и можетъ быть возвращенъ обратно, такъ какъ дѣло не въ догматахъ, а въ теоретическомъ и практическомъ освѣщеніи вопроса. Ссылка гр. Уварова на Францію я полагаю — неудачна. Къ чему привели Францію 35 лѣтъ существованія республики съ тайной подачей голосовъ? Мы видимъ, что республика упрочивалась все болѣе и болѣе, укрѣплялись и твердѣли и тѣ принципы, за которые боролись массы и мало по мало осуществлялись въ жизни. Какъ бы ни казались доказательными отдѣльные примѣры злоупотребленія системы тайной

подачи голосовъ, они не доказываютъ несовершенства самой системы; и чтобы оцѣнить ее, надо смотрѣть на ея конечные результаты; тогда вы увидите эту систему съ ея хорошей стороны. Идеала, конечно, нѣтъ въ жизни. По этому полнаго совершенства мы не можемъ видѣть нигдѣ. Противъ системы тайной подачи голосовъ могутъ быть, конечно, сдѣланы и другія возраженія, но, сравнивая ее съ другими избирательными системами, мы должны признать, что тамъ, гдѣ придерживаются ея, общіе результаты болѣе благопріятны, чѣмъ тамъ, гдѣ она не практикуется. Здѣсь говорятъ: почему мы желаемъ спеціализировать этотъ вопросъ? Потому, что наша резолюція, это есть предначертаніе того, что должно быть; потому что избирательная система — это краеугольный камень всего будущаго зданія. Если система, при которой избираются народные представители, будетъ съ дефектами, то все остальное, что они будутъ дѣлать — будетъ тоже съ дефектами. И поэтому намъ необходимо точно указать, что изъ всѣхъ существующихъ системъ, мы сходимся на системѣ всеобщаго, равнаго и прямого избирательнаго права съ тайной подачей голосовъ, какъ наиболѣе совершенной.

А. М. Масленниковъ. Послѣдній мнѣ упрекъ въ томъ, что я хочу здѣсь играть на патетическихъ мѣстахъ, совершенно неправиленъ. Никогда, за время моей дѣятельности не игралъ я на чувствахъ собранія; я всегда старался, дѣйствовать доводами и ужъ если кого можно упрекнуть въ томъ, что онъ...

(Общій ропотъ. Раздаются крики: „не надо“! „Оставьте намеки“, „не надо личностей“! „Не правда“!...)

...то это не я!

Гр. А. А. Уваровъ. Вы хотѣли сказать, что это Николай Николаевичъ!

(Подымается снова ропотъ и крики: „не надо, не надо“!...)

А. М. Масленниковъ. ...Вы, графъ, спеціализировались читать въ сердцахъ, я вашему умѣнью не завидую...

(Гр. Уваровъ и другіе голоса: „вы обвиняете Николая Николаевича“!)

...Я никого не называю! Я выступаю, чтобы защитить себя, а не обвинять кого-либо! Я говорю только одно: это не я! Что касается до того, почему въ Петербургѣ я не стоялъ за это добавленіе, такъ это потому, что я думалъ, что этотъ порядокъ настолько сознанъ, что подразумѣвается самъ собой. Но я началъ настаивать на немъ тогда, когда стали возражать, что это не нужно, что это утопія, что это что-то такое еще не сознанное. Мнѣ было странно услышать это. Неужели понятіе о тайной подачѣ голосовъ — не сознано? У насъ въ Губ. Земск. Собр., даже въ Комиссіяхъ, постоянно примѣняется закрытая баллотировка. Я думаю, господа, вы меня простите, я думаю, что не нужно много аргументовъ, чтобы русскій человѣкъ согласился съ вами, что не иначе, какъ закрытой баллотировкой обезпечивается ему его избирательное право. Говорятъ, что это не можетъ быть, потому что нашъ народъ безграмотенъ, что благодаря этому тайная подача неосуществима. Что же оказывается? Оказывается, что никакой тутъ Америки открывать не нужно, Америка давно открыта. Въ Италіи безграмотность такая же, какъ и у насъ, и тамъ давно изобрѣли способъ, какъ примѣнить тайную подачу голосовъ. Баллотируются обыкновенно нѣсколько кандидатовъ; избирателямъ даютъ бюллетени на разноцвѣтныхъ бумажкахъ; для одного кандидата одинъ цвѣтъ, для другого другой, и всякій безграмотный знаетъ, за кого онъ подаетъ свой голосъ. Ничего въ этомъ несознаннаго нѣтъ.

И люди подчеркиваютъ необходимость оговорить, что подача голосовъ должна быть тайной потому, что они желаютъ, чтобы народное право было бы дѣйствительно народнымъ правомъ и, значитъ, вы не хотите этого, если не хотите сдѣлать такую оговорку.

Господа! Я обращаюсь къ вашему спокойствію. Можно ли въ настоящее время предлагать что-либо, зароняя хотя бы малѣйшую искру сомнѣнія, что не хотятъ люди сдѣлать того, что нужно народу? Съ нашей стороны это будетъ очень рискованный шагъ. Народъ не поймѣтъ вашихъ мотивовъ и будетъ думать, что мы стараемся устранить его. Наводить его на такія мысли будетъ съ нашей стороны нетактично. Умолчаніе о всеобщемъ избирательномъ правѣ въ резолюціи Совѣщанія породило массу сомнѣній. Начали въ реакціонной печати писать: „Умолчали!“ „Желаютъ все въ свои руки забрать, чтобы поработить народъ!“ Разъ уже играютъ на этомъ обстоятельствѣ, вамъ изъ чувства самосохраненія нужно разсѣять всѣ подобныя предположенія.

П. С. Иконниковъ. Я, господа, былъ избранъ крестьянами, какъ ихъ представитель, въ губернское земское собраніе единогласно. Когда я узналъ объ этомъ, я былъ очень польщенъ и очень гордился. Открылось потомъ, что выборы

эти были такъ обставлены, что цѣна имъ — грошъ! И такъ всегда будетъ при открытой подачѣ голосовъ. Представителями отъ крестьянъ, если будетъ открытая подача голосовъ, будутъ совсѣмъ не ихъ представители. Любой торговецъ въ селѣ непремѣнно будетъ выбранъ, потому что ему всѣ должны; его не выбрать нельзя, онъ потомъ это припомнитъ. Обязательно надо включить тайную подачу.

Я не говорилъ объ этомъ, потому что я не вѣрилъ, что вообще возможно у насъ избирательное право. Есть иновѣрческія села, калмыки кочевые и т. д. Можно ли примѣнить его во всѣхъ этихъ случаяхъ, мнѣ было не ясно, и я молчалъ. Потомъ выяснилось, что предположено вводить его тамъ, гдѣ это возможно; это другое дѣло, и въ такомъ случаѣ можно вводить только при условіи тайной подачи голосовъ. Умолчать объ этомъ дѣйствительно нельзя. Нареканія на подобное умолчаніе и я слышалъ.

(„Браво!“ „Вопросъ, вопросъ!“)

В. М. Обуховъ. Нѣсколько словъ.... Относительно патетическаго тона....

(„Не надо! не надо! вопросъ!“)

Н. Д. Юматовъ. Ораторы очень хорошо разъяснили этотъ вопросъ, и у каждаго, конечно, составилось объ этомъ опредѣленное мнѣніе. Я не буду говорить о немъ долѣе. Я хочу указать на неправильность, которую допустилъ одинъ ораторъ. Я слышалъ здѣсь слово: если не будетъ включена тайная подача голосовъ, — я не буду подписывать резолюцію. Мы говоримъ здѣсь теперь о такомъ вопросѣ, который, всетаки, есть деталь, и говоримъ тогда, когда у насъ нѣтъ никакого представительства. И я думаю, господа, что грѣшно останавливаться съ подписью только потому, что намъ не нравится то или иное слово. Мы не учредительное собраніе. Мы добиваемся только перваго шага . . .

(„Вопросъ! вопросъ!“)

А. Д. Юматовъ. Угодно ли вамъ включить эти слова и редактировать разсматриваемое мѣсто такъ: „на основѣ всеобщаго равнаго, прямого избирательнаго права съ тайной подачей голосовъ“?

Гриммъ. Это то же, что закрытая баллотировка?

(Голоса: „Да, то же самое!“)

(Собраніе принимаетъ включеніе словъ: „равнаго, прямого, съ тайной подачей голосовъ“ большинствомъ противъ 3-хъ голосовъ.)

А. Д. Юматовъ объявляетъ перерывъ, во время котораго гласные подписываютъ резолюцію.

Послѣ перерыва гласный гр. А. Д. Нессельроде предлагаетъ, въ случаѣ, если установленный способъ доведенія резолюціи до свѣдѣнія Государя не пройдетъ, то копію съ резолюціи послать министру внутреннихъ дѣлъ для доклада Его Императорскому Величеству.

Собраніе принимаетъ это предложеніе.

Гласный В. Н. Ознобишинъ подаетъ особое мнѣніе.

Засѣданіе комиссіи объявляется закрытымъ.

Резолюція Комиссіи-Собранія 9—10 января 1904 г.

Саратовское Губернское Земское Собраніе въ засѣданіи 10 января, заслушавъ докладъ о происходившемъ 6—9 ноября 1904 г. въ С.-Петербургѣ Совѣщаніи земскихъ дѣятелей, постановило:

1. Одобрить образъ дѣйствія Предсѣдателя Губернской Управы, какъ одного изъ участниковъ съѣзда и какъ выразителя желаній, вполнѣ согласныхъ съ общимъ мнѣніемъ Саратовскаго Земства.

2. Присоединиться къ мнѣнію земскихъ дѣятелей, выраженному въ постановленіи 6—9 ноября съ добавленіемъ лишь къ 6-му пункту словъ „свободы науки и ея преподаванія и свободы стачекъ“.

3. Выразить глубокое убѣжденіе, что великія начала, возвѣщенныя Высочайшимъ Указомъ 12 декабря — общій для всѣхъ правопорядокъ и законность — не могутъ быть проведены въ жизнь бюрократическимъ путемъ,

и наше настоятельное желаніе, чтобы Правительство обратилось къ творческимъ силамъ страны въ лицѣ ея свободно избранныхъ представителей.

Лишь постоянное и правильное народное представительство на основѣ всеобщаго равнаго избирательнаго права, съ тайной подачей голосовъ, дастъ странѣ столь необходимый ей внутренній миръ и возможность развить всѣ великія духовныя и матеріальныя силы народа.

4. Просить г. саратовскаго губернскаго предводителя дворянства, какъ имѣющаго право личнаго предстательства передъ Государемъ Императоромъ, не отказать доложить Его Величеству, что Саратовское Губернское Земское Собраніе, раздѣляя вполнѣ вышеуказанныя мнѣнія, считаетъ путь внутреннихъ преобразованій, намѣченный земскими дѣятелями, есть единственно вѣрный и единственно спасительный исходъ изъ бѣдствій, переживаемыхъ нашей родиной.

Ослабленіе матеріальныхъ средствъ русскаго народа, оскудѣніе народнаго духа, его творческихъ силъ, благодаря всепоглощающей опекѣ бюрократической власти, должно неизбѣжно привести къ крушенію самыхъ устоевъ государства. Подобно царству, раздѣлившемуся внутри себя, Россія клонится къ неминуемому упадку.

Мы просимъ г. губернскаго предводителя дворянства склонить вниманіе Государя Императора къ голосу земскихъ людей, увѣрить, что нами руководитъ не что другое, какъ преданность Государю и искреннее, пламенное чувство любви къ родинѣ; мы ничего не хотимъ для себя, а все для Россіи.

Не смуту мы создаемъ, а ищемъ, со всѣмъ сознаніемъ важности происходящихъ событій и со всею добросовѣстностью, счастливаго выхода изъ тягостнаго состоянія нашего отечества.

Предсѣдатель Саратовской Губернской Земской Управы А. Д. Юматовъ, Н. Н. Львовъ, Б. Араповъ, Бартеневъ, гр. Уваровъ, Н. Юматовъ, Сумароковъ, В. Юматовъ, Г. Кропотовъ, В. Персидскій, гр. Нессельроде, А. Минхъ, А. Немировскій, М. Ивановъ, гр. А. Медемъ, В. А. Менде, Петръ Иконниковъ-Галицкій, кн. Ухтомскій, К. Ермолаевъ, кн. Голицынъ, А. Масленниковъ, Фр. Роговскій, М. Ермолаевъ, М. Безобразовъ, Н. Солдаткинъ, С. Унковскій, К. Роговскій, С. Котляревскій, Б. Малышевъ, Н. Мотовиловъ, В. Обуховъ, И. Паленинъ, П. Подъяпольскій, К. Веселовскій, И. Е. Усачевъ, М. Щегловъ, Н. Михайловъ, Н. Мономаховъ, Н. Ружичко де-Розенвертъ, А. Павловъ, Алаторцевъ.

Павловъ. (По п. 10 присоединяюсь къ мнѣнію меньшинства частнаго совѣщанія земскихъ дѣятелей въ Петербургѣ.)

Гриммъ. (Ко всѣмъ положеніямъ присоединяюсь, исключая 10 п., выработаннаго частнымъ совѣщаніемъ въ Петербургѣ; присоединяюсь къ п. 11 того же совѣщанія, по 10 п. — къ мнѣнію меньшинства.)

Особое мнѣніе гласнаго В. Н. Ознобишина.

Ни законъ, ни совѣсть, ни присяга не позволяютъ намъ примкнуть къ постановленію большинства. Мы признаемъ, что теперь, когда наше отечество постигло тяжкое бѣдствіе — тяжкая война, когда все враждебное Россіи во всемъ мірѣ подняло голову, — не время касаться жгучихъ вопросовъ, могущихъ разъединить тѣхъ, которые соединены общей любовью къ родинѣ и готовностью посвятить всѣ свои силы для ея защиты. Мы признаемъ, что всѣ эти вопросы, несмотря на ихъ жгучесть, могутъ и должны быть отложены до болѣе благопріятнаго времени. Мы признаемъ, что наши избиратели не уполномочили насъ рѣшать отъ ихъ имени вопросы о коренномъ переустройствѣ русской общественной и государственной жизни и что, принявъ участіе въ ихъ разрѣшеніи, мы нарушимъ довѣріе, оказанное намъ нашими избирателями.

Сердобскій Уѣзд. Предв. Двор. В. Ознобишинъ.
Губ. гласные: Лихоревъ, Ладыженскій, Измайловъ.

Журналъ

Засѣданія XXXIX Очереднаго Саратовскаго Губернскаго Земскаго Собранія 10 января 1905 года.

Въ засѣданіе прибыли: Предсѣдатель Собранія Саратовскій Уѣздный Предводитель Дворянства. кн. А. А. Ухтомскій, Предсѣдатель Губернской Управы А. Д. Юматовъ, члены Управы: П. П. Подъяпольскій, М. В. Базобразовъ, А. В. Сумароковъ, В. А. Малышевъ; Уѣздные Предводители Дворянства: Балашовскій — С. А. Унковскій, Вольскій — Н. Д. Юматовъ, Сердобскій — В. Н. Ознобишинъ; Предсѣдатели Уѣздныхъ Управъ: Балашовскій — К. Б. Веселовскій, Вольскій — М. М. Щегловъ, Петровскій — К. С. Ермолаевъ; уполномоченные: Удѣльнаго Вѣдомства Д. Г. Самсоновъ, отъ Казны В. М. Казловъ и 34 гласныхъ. Секретарь А. М. Масленниковъ.

Предсѣдатель Собранія кн. А. А. Ухтомскій. Губернскій Предводитель Дворянства захворалъ и передалъ мнѣ исполненіе своихъ обязанностей. Считая за честь для себя быть предсѣдателемъ настоящаго Собранія, я объявляю засѣданіе открытымъ.

(Заслушивается Собраніемъ и утверждается журналъ засѣданія Собранія отъ 9 января.)

П. С. Иконниковъ заявляетъ, что беретъ обратно свой отказъ отъ участія въ Тарифномъ съѣздѣ и, если Собранію угодно, то онъ поѣдетъ въ Петербургъ. Собраніе проситъ и избираетъ П. С. Иконникова представителемъ Земства на Тарифный съѣздъ въ Петербургѣ.

А. Д. Юматовъ. Въ только что утвержденномъ Вами журналѣ Собранія предыдущаго дня занесено, что, по предложенію моему и всей Управы, была избрана Комиссія съ участіемъ всѣхъ гг. гласныхъ для обсужденія нѣкоторыхъ вопросовъ общаго характера. Почти весь наличный составъ Губернскаго Земскаго Собранія участвовалъ въ занятіяхъ этой Комиссіи. Управа предложила вниманію Комиссіи всѣ матеріалы, имѣвшіеся въ ея распоряженіи: постановленія и пожеланія съѣзда земскихъ дѣятелей въ Петербургѣ съ 6—9 января, заявленія представителей населенія уѣздовъ Царицынскаго, Сердобскаго, тѣ резолюціи, которыя Губернская Управа получила 8-го января сего года для доклада Губернскому Земскому Собранію, и нѣкоторыя другія. Однимъ словомъ, были оглашены всѣ документы, имѣвшіе отношеніе къ возбужденнымъ вопросамъ. Комиссія занималась вчера и сегодня, выработала рядъ положеній, которыя имѣю честь доложить Собранію.

Предсѣдатель Собранія кн. А. А. Ухтомскій. Когда Комиссія, въ которой я участвовалъ какъ членъ ея, кончала свои занятія, я получилъ заявленіе о болѣзни М. Ф. Мельникова и вступилъ въ исправленіе должности Губернскаго Предводителя Дворянства. Послѣ этого я получилъ самыя категорическія указанія со стороны администраціи на незаконность и недопустимость обсужденія на Земскомъ Собраніи вопросовъ, разсмотрѣнныхъ Комиссіей. Въ силу этихъ указаній, я не могу считать законнымъ обсужденіе этихъ вопросовъ на собраніи, но сознавая всю ихъ важность для населенія губерніи, я не вижу возможности отказаться отъ обсужденія ихъ, не считаю себя вправѣ по совѣсти снять ихъ съ очереди и предоставляю самому Собранію рѣшить, желаетъ ли оно обсуждать эти вопросы. Я подчинюсь волѣ Собранію.

Н. Н. Львовъ. Глубокоуважаемый князь, мы глубоко цѣнимъ Ваше благородное рѣшеніе. Но я не могу по совѣсти имъ воспользоваться. Я не могу возложить на Васъ одного всю отвѣтственность. Трудное и тяжелое положеніе для Собранія. Вы знаете, какія чувства руководили нами въ занятіяхъ Комиссіи. Высшій долгъ повелѣваетъ намъ высказать на Собраніи принятыя рѣшенія, чтобы голосъ Саратовскаго Земства былъ услышанъ. При такихъ условіяхъ остается одинъ исходъ. Мы вынуждены остановить наши засѣданія.

(Рѣчь Н. Н. Львова вызываетъ одобреніе гг. гласныхъ и аплодисменты.)

Гр. А. Д. Нессельроде. Мы благодаримъ князя, но отказываемся отъ его самопожертвованія.

С. Е. Усачевъ. Я просилъ бы точно редактировать, почему мы не можемъ продолжать свои занятія, чтобы не показалось, что мы это дѣлаемъ только для того, чтобы не подвергать административной карѣ князя. Вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдуетъ внести въ протоколъ постановленія, выработанныя Комиссіей и подписанныя почти всѣми гласными, и поручить Управѣ представить ихъ въ Комитетъ Министровъ.

А. М. Масленниковъ. Какъ секретарь Собранія, я просилъ бы Собраніе выслушать, такъ ли я формулирую мнѣніе его: Земское Собраніе находитъ невозможнымъ обсуждать положенія, выработанныя почти всѣми гласными, при условіи, когда за дѣйствія всѣхъ долженъ отвѣчать одинъ предсѣдатель. Разъ создаются условія, при которыхъ нельзя обсуждать важнѣйшіе вопросы русской жизни въ критическій моментъ ея существованія, то у гласныхъ не можетъ быть достаточнаго хладнокровія и спокойствія духа, которыя необходимы при обычныхъ занятіяхъ Собранія. Удаляясь поэтому изъ Земскаго Собранія, гласные просятъ Предсѣдателя приложить выработанныя Комиссіей постановленія къ протоколу засѣданія Собранія и поручаютъ Управѣ направить ихъ къ Министру Внутреннихъ Дѣлъ съ указаніемъ, почему Собраніе разошлось.

М. С. Ермолаевъ предлагаетъ добавить, что Земское Собраніе можетъ приступить къ своимъ занятіямъ только тогда, когда ему будетъ предоставлена возможность обсуждать вопросы, выдвинутые Комиссіей.

Предсѣдатель Управы А. Д. Юматовъ. Отъ лица своего и всѣхъ членовъ Управы я имѣю заявить, что ежели Собраніе все же состоится въ достаточномъ числѣ гласныхъ, то Управа по долгу службы будетъ присутствовать въ засѣданіяхъ Собранія, но только для дачи объясненій; принимать же участіе въ голосованіи не будетъ, такъ какъ весь составъ Управы вполнѣ присоединяется къ тѣмъ мотивамъ, которые побуждаютъ прекратить настоящее засѣданіе.

Заявленіе Предсѣдателя Управы вызываетъ аплодисменты гг. гласныхъ и Собраніе постановляетъ:

1. Благодарить Предсѣдателя Собранія князя А. А. Ухтомскаго за готовность подчиниться волѣ Собранія.

2. Отказаться какъ отъ обсужденія въ засѣданіи Собранія вопросовъ, разрѣшенныхъ уже въ Особой Комиссіи почти всѣмъ составомъ Собранія, такъ и вообще отъ продолженія засѣданій Собранія въ виду того, что настоящія условія лишаютъ гласныхъ возможности исполнить ихъ гражданскій долгъ.

3. Просить Предсѣдателя Собранія приложить къ журналу настоящаго засѣданія Собранія подлинныя постановленія Особой Комиссіи, подписанныя уже почти всѣмъ наличнымъ составомъ Собранія, и копію этихъ постановленій препроводить Министру Внутреннихъ Дѣлъ съ объясненіемъ мотивовъ, побудившихъ Собраніе прервать занятія.

4. Въ объясненіи Министру Внутреннихъ Дѣлъ указать, что Земское Собраніе можетъ приступить къ своимъ обычнымъ занятіямъ лишь только тогда, когда ему будетъ предоставлена возможность спокойно обсуждать общіе вопросы, выдвигаемые насущнѣйшими потребностями жизни.

Послѣ этого гг. гласные покинули залъ Собранія.

СПИСОКЪ ОРАТОРОВЪ.

(Цифры обозначаютъ страницы.)

Араповъ, Б. А. 6, 11, 15, 18, 28, 29.
Безобразовъ, М. В. 5, 6, 8, 14.
Весеповскій, К. В. 30, 33.
Голицынъ, князь. 31.
Гриммъ. 28, 29, 31, 32, 35, 36.
Ермолаевъ, М. С. 27, 28, 29, 30, 32, 38.
Иконниковъ, И. С. 16, 17, 27, 29, 31, 34, 37.
Корбутовскій. 6, 9, 30, 31.
Котляревскій, С. А. 11, 14, 18, 29.
Лихаревъ. 9.
Львовъ, Н. Н. 7, 8, 9, 13, 14, 16, 22, 25, 31, 32, 33, 37.
Малышевъ, Б. А. 6.
Масленниковъ, А. М. 10, 11, 13, 15. 16, 18, 23, 29, 31, 32, 34, 38.
Минхъ, А. П. 25.
Михайловъ, Н. Д. 5, 6, 16, 27, 31.
Мотовиловъ, 16, 31.
Немировскій, А. О. 10, 12, 13, 14, 15, 16, 22, 24, 26, 27.
Нессельроде, А. Д. графъ. 6, 7, 11, 14, 16, 31, 33, 35, 38.
Обуховъ, В. М. 12, 14, 16, 17, 23, 29, 31, 32, 35.
Обнобишинъ, В. Н. 6, 9, 25, 26, 35, 36.
Павловъ, А. А. 17, 18, 23, 25, 28, 29, 36.
Роговскій, К. 29.
Ружичко-де-Розенвертъ, Н. 9, 14, 29, 30, 31.
Сумароковъ, А. В. 9, 14, 18, 22.
Уваровъ, А. А. графъ. 5, 6, 8, 9, 10, 11, 13, 16, 17, 18, 21, 22, 27, 28, 29, 31, 33, 34.
Унковскій, С. А. 6, 29, 32.
Усачевъ, С. Е. 8, 26, 38.
Ухтомскій, А. А. князь. 37.
Юматовъ, А. Д. 1, 6, 8, 9, 11, 12, 13, 16, 17, 18, 26, 27, 28, 30, 31, 32, 35, 37, 38.
Юматовъ. В. Д. 32.
Юматовъ, Н. Д. 9, 21, 35.